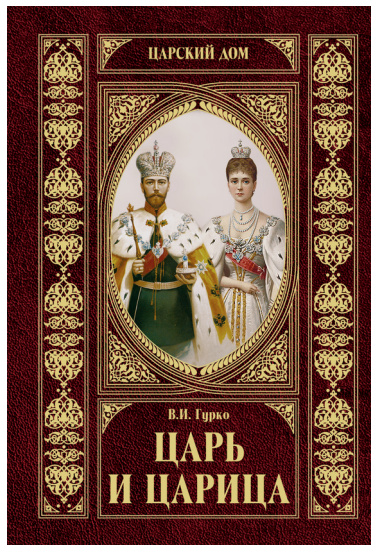

Владимир Иосифович Гурко
Владимир Михайлович Хрусталев
Царь и царица
Серия «Царский Дом»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654192
Гурко В.И. Царь и царица: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-9533-2620-9

Аннотация

Владимир Иосифович Гурко (1862–1927) – видный государственный и общественный деятель Российской империи начала XX века, член Государственного Совета, человек правых взглядов. Его книга «Царь и царица» впервые вышла в свет в эмиграции в 1927 г. На основании личных наблюдений Гурко воссоздает образ последней российской императорской четы, показывает политическую атмосферу в стране перед Февральской революцией, выясняет причины краха самодержавного строя. В свое время книгу постигло незаслуженное забвение. Она не вписывалась в концепции «партийности» ни правого лагеря монархистов, ни демократов, также потерпевших в России фиаско и находившихся в эмиграции.

Авторство книги часто приписывалось брату Владимира Иосифовича, генералу Василию Иосифовичу Гурко (1864–1937), которому в данном издании посвящен исторический очерк, составленный на основе архивных документов.

Содержание

В.М. Хрусталеv	5
Предисловие	5
Братья Гурко в истории России. Жизненный путь генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	48
Комментарии	

Владимир Иосифович Гурко

Царь и царица

© В.М. Хрусталеv, составление, вступительный очерк, комментарии,
2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

В.М. Хрусталеv Братья Гурко в истории России

Предисловие

Книга бывшего члена Государственного Совета Владимира Иосифовича Гурко «Царь и царица» (Париж, 1927) вышла в свет восемьдесят лет назад. Однако перед российским читателем в нашей стране в полном объеме и отдельным изданием она появляется впервые. Часто ее авторство в современных научно-популярных исторических работах и кратких биографических справках ошибочно приписывают его брату, генералу Василию Иосифовичу Гурко. Это, очевидно, происходит потому, что их инициалы полностью совпадают, а генерал В.И. Гурко был известным военным начальником в годы Первой мировой войны, некоторое время перед Февральской революцией исполнял должность начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве и непосредственно подчинялся императору Николаю II. Более того, часто встречается некоторая путаница при изложении биографий трех братьев Гурко, и отдельные эпизоды из их деятельности ошибочно приписываются вместо одного другому. В исторической литературе, а также в некоторых архивных документах и мемуарах, чтобы различать братьев, генерала В.И. Гурко часто называют под фамилией Ромейко-Гурко.

Несомненно, что при написании многочисленных воспоминаний и труда «Царь и царица» член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко (1862–1927) использовал не только свой личный опыт наблюдения, но и данные о жизни царской четы из непосредственного общения с родными братьями.

Стоит подчеркнуть, что биографические сведения о сложном жизненном пути генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937) в исторической литературе довольно скудны. Хотя он сделал блестящую военную карьеру, достигнув во время Первой мировой войны поста от командира дивизией до командующего Особой армией и начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, а вскоре после Февральской революции (в марте – мае 1917 г.) являлся главнокомандующим армиями Западного фронта. Однако за несогласие с военной политикой Временного правительства он был смещен с должности, обвинен в принадлежности к контрреволюционному заговору и выслан из России. Позднее, находясь в эмиграции, Василий Иосифович Гурко способствовал Белому делу и входил в состав руководства Русского общевоинского союза (РОВС). Возможно, некоторая пелена таинственности вокруг имени генерала являлась результатом его целенаправленных усилий. Безусловно, он имел некоторые основания в известные периоды своей жизни избегать публичности, поскольку судьба его складывалась отнюдь не просто.

Однако вернемся к эмигрантскому изданию. Стоит подчеркнуть, что представляемая читателям книга В.И. Гурко «Царь и царица» имеет некоторое своеобразие. Это не только воспоминания и размышления известного государственного и общественного деятеля. Одновременно, по признанию многих, данный труд является результатом исследования и одной из лучших политических биографий последней российской императорской четы Романовых, удачной попыткой выяснения «их духовного облика». В ней автор воссоздает яркий образ императора Николая II и его супруги Александры Федоровны, показывает политическую атмосферу перед Февральской революцией и делает попытку показать влияние «темных сил» на общую ситуацию в стране, выясняет причины краха самодержавного строя. Рецензенты в эмигрантских периодических изданиях подчеркивали, что В.И. Гурко в данном труде удалось с честью справиться с трудной задачей, обнаружив «много психологического

чутья и отличное понимание механизма, управляющего людскими поступками. Книга его – прежде всего книга умного человека»^[1]. Однако имеются и негативные отзывы. Так, например, американский исследователь (выходец из России) Виктор Кобылин, имевший доступ ко многим эмигрантским изданиям, пишет: «В этих высказываниях Гурко мы видим и неприязнь, и мелочность, и то, что так характерно было для высшего света – пересуды о Государе и Государыне, ну, совсем как в свое время было в лакейской, где слуги сплетничали о своих барах»^[2].

Правда, стоит обратить особое внимание, что историк В.С. Кобылин бросает не по адресу обвинения в этом генералу Василию Гурко, как якобы автору данного произведения, а не его брату, члену Государственного Совета Владимиру Гурко. К сожалению, относительно авторства книги это далеко не единичное заблуждение. Тому есть причины. Владимир Иосифович Гурко при написании многочисленных исторических воспоминаний придерживался принципа не упоминания о себе, а уделял главное внимание событиям и людям, которые его окружали. Тем не менее в труде «Царь и царица» имеются краткие упоминания, что именно конкретно ему были предложения с намеками на вхождение в состав царского правительства в 1916 г. В частности, он указывает: «Так, ко мне лично два раза приезжал от Распутина один из близких ему людей, с которым он был знаком, а именно Г.П. Сазонов, с просьбой познакомиться с Распутиным и принять его. При этом Сазонов говорил: “Мы ищем способных людей, которые могли бы управлять страной”. ...Мне известно, что с подобными же предложениями Распутин, через третьих лиц, обращался ко многим, причем, насколько я знаю, ответ на эти предложения получался неизменно отрицательный»^[3].

Со своей стороны заметим, что книгу члена Государственного Совета В.И. Гурко «Царь и царица» постигло незаслуженное забвение. Она не вписывалась в концепции «партийности» ни для правого лагеря монархистов, ни для также потерпевших в те годы в России фиаско и находившихся в эмиграции демократов. Сторонники самодержавия имели большие претензии к братьям Гурко. Они упрекали Владимира Гурко, хоть и принадлежавшего к правым, за активное участие в «Прогрессивном блоке» и относительную оппозицию царскому правительству. Они не могли простить и его брата генерала Василия Гурко за то, что тот в бытность начальником штаба Ставки в Могилеве противодействовал перед Февральской революцией некоторым мероприятиям царского правительства по укреплению военных сил (на случай общественных беспорядков) в Петрограде и состоял членом масонской «Военной ложи». С другой стороны, в свою очередь, лагерь либералов не мог забыть генералу В.И. Гурко письма сочувствия, которое он написал 4 марта 1917 г. уже поверженному и опальному императору Николаю II. Позднее это письмо было опубликовано в периодической печати и послужило формальным поводом для Временного правительства (незадолго до Октябрьского переворота большевиков) высылки его за границу, как «врага завоеваниям революции». Заметим, что братья Гурко в годы Гражданской войны в России, а также находясь в эмиграции, принимали деятельное участие в Белом движении и принадлежали к «Монархической лиге». По этим причинам в Советском Союзе произведение «Царь и царица» числилось в «спецхране» под грифом «секретно», как явно контрреволюционное и антисоветское. После окончания Второй мировой войны из Праги (Чехословакия) в состав ЦГАОР СССР (ныне Государственный архив РФ) в Москву попала часть документальных материалов и библиотеки бывшего Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), где также находилось упомянутое произведение Гурко. К сожалению, все это уникальное белоэмигрантское наследие также на долгие годы оказалось в «спецхране» и только с распадом Советского Союза было рассекречено.

Полное издание в России книги Владимира Иосифовича Гурко «Царь и царица», которое ныне выходит в серии «Царский дом», снабжено составителем именными и тематическими комментариями, рядом приложений, которые помогут читателю лучше ориентиро-

ваться в описываемых исторических событиях той далекой эпохи. Стоит подчеркнуть, что каждый смертный человек в силу различных причин часто тенденциозен в своих взглядах, и это не следует забывать, особенно при ознакомлении с такой категорией исторических источников, как личные дневники, письма и воспоминания. Поэтому читателю необходимо иметь не только хотя бы общие представления об авторе самого произведения, но и его ближайшего окружения, и атмосфере того времени. Только в сопоставлении и анализе различных данных залог успеха к выяснению реальных событий.

В связи с тем, что биография генерала Василия Иосифовича Гурко до сих пор малоизученная, то составитель и издательство «Вече» посчитали рациональным поместить в данном издании исторический очерк, посвященный жизненному пути как его самого, так и его родственников, которые оставили заметный след в истории России. На сегодняшний день российский читатель имеет возможность познакомиться с деятельностью члена Государственного Совета Владимира Иосифовича Гурко по изданным в последние годы в нашей стране мемуарам^[4].

Стоит особо подчеркнуть, что В.И. Гурко при написании своего труда «Царь и царица» (Париж, 1927) использовал опубликованные частично к тому времени дневники и письма династии Романовых, воспоминания приближенных к царской семье^[5].

Однако при цитировании им этих источников иногда встречаются неточности, что можно объяснить или редакторской правкой данного произведения эмигрантским издательством, или, возможно, использованием различных вариантов перевода, т. к. императрица Александра Федоровна свои письма и дневники в основном писала на английском языке. Такие места книги составителем отмечены в комментариях. Стоит обратить внимание, что В.И. Гурко достаточно часто предвзято трактует те или иные события, выхватывая их из контекста исторической обстановки, и тем самым иногда наносит ущерб объективности. Он также дает порой жесткие характеристики отдельным политическим и государственным деятелям, которые в отзывах современников не всегда однозначны. Составитель и издательство в этих случаях при комментировании текста сочли уместным сослаться и на другие авторитетные исторические свидетельства, отличающиеся от мнения автора.

Передача текста книги В.И. Гурко соответствует современным правилам орфографии и публикации исторических документов. Текст издания воспроизводится полностью, все отточия принадлежат автору. Утраченные слова и части слов исторических источников, восстанавливаемые по смыслу, приводятся нами в квадратных скобках. Сохранены стилистические и специфические особенности произведения. Кроме того, в текстуальных примечаниях составителем дается перевод с французского и латинского языка отдельных слов и фраз, который отсутствовал в оригинале первого издания. Издание дополнено рядом приложений документальных материалов.

Сегодня с высоты 90-летнего «юбилея» свершения Февральской революции многие из нас невольно сопоставляют события нашего времени «великих перемен», в чем-то поразительно похожих, с той далекой эпохой. Это неудивительно, т. к. мы являемся очевидцами многих исторических уроков, которые уже проходила многострадальная наша отчизна. Читателю разобраться в этом спектре калейдоскопа событий, несомненно, позволит в какой-то степени данная публикация. Стоит также подчеркнуть, что высказанному когда-то известному мнению одного из прежних «великих и мудрых мира» сего, что «история учит, что она ничему не учит», можно противопоставить народную мудрость, что только нерадивым ученикам «урок не впрок».

Время, а особенно человеческая жизнь, быстротечны, и относительно скоро в нашей стране будет отмечаться 100-летний юбилей свершения Февральской революции. Задумаемся, в какой стране мы будем жить к тому времени?! Некоторые из наших соотечественников застали времена крушения царского самодержавия, пережили жестокие репрессии тоталитарного режима.

литарного режима и трагедию распада Советского Союза, времена, когда события начала XX столетия уже в конце его вновь отразились как в зеркале, почти с такими же не менее ущербными последствиями для нашего отечества. Мировая держава рухнула в очередной раз, но, слава богу, коллективный народный разум в этот раз уберег россиян от нового кровопролития гражданской войны. Однако, как в первые годы советской власти, когда трудовой люд долго восстанавливал хозяйство страны, имея за ориентиры достижения Российской империи в 1913 г., так и теперь многие из старшего поколения наших соотечественников вспоминают с ностальгией об относительно благополучной для большинства жизни в Советском Союзе. При каждой смене государственного строя в нашей державе за последний век, к сожалению, начиналось обычно с пения «Марсельезы» или «Интернационала», т. е. со знаменитых и беспощадных призывов: «до основания мы разрушим». Крушили основательно, вместо того чтобы строить справедливое общество от уже достигнутых позитивных результатов. Часто вожди оказывались только временщиками, а благие намерения выливались лишь в «тернистый путь» лишений и новых несчастий для простого народа. Все те же пресловутые «грабли», на которые неоднократно наступала Россия, кажется, вновь маячат на нашем пути. Стоит ли на них наступать еще раз?! История отечества, по нашему твердому убеждению, должна быть лишь связующим звеном между прошлым и будущим. Она должна являться только усвоенным уроком для взвешенных выводов и правильных действий, для общего блага страны и каждого простого гражданина, а не служить лишь для оправдания тех или иных поступков оказавшихся часто случайных лиц у руля государства, которое когда-то занимало $\frac{1}{6}$ часть земного шара. Попробуем связать и проследить историческую нить времен, которую неоднократно пытались оборвать и начать сначала, но на свой лад временщики России. Хочется надеяться в скорое возрождение былого могущества нашей державы, благополучие и лучшую долю простого народа.

Братья Гурко в истории России. Жизненный путь генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937)

*Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику сделает хуже короны
И белых и красных жестокий обман.*
Из «Центурий» Нострадамуса

Братья Гурко происходили из рода, оставившего заметный след в военной истории России. Дед их в 1840-е гг. командовал Кавказской линией. Мать – Мария Андреевна Гурко (1842–1906) – урожденная графиня Салиас де Турнемир, дочь графа Андре Генри Салиас де Турнемир и Елизаветы Васильевны Сухово-Кобылиной, известной писательницы (Евгении Тур). В 1862 г. Мария Андреевна вышла замуж за полковника Иосифа Владимировича Гурко и в дальнейшем занималась воспитанием детей, пока супруг участвовал в многочисленных военных кампаниях и поднимался по ступеням карьеры гвардейского офицера. Он достиг значительных высот и стал героем России. Генерал-фельдмаршал Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901) был одним из главных авторов победы России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., командовал передовым отрядом русских войск, одержал верх в ряде блестящих батальи над турками, лично руководил боями под Горным Дубняком и Телишем, снял осаду с Шипки, совершил переход через Балканы. Кавалер ордена Св. Георгия 3-й и 2-й степеней. Впоследствии он временный Петербургский генерал-губернатор (апрель 1879 – февраль 1880), генерал-губернатор Одессы (1882–1883), Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1883–1894). Член Государственного Совета с 1886 г.

В семье генерал-фельдмаршала И.В. Гурко родилось шесть сыновей: Владимир (1862–1927), Василий (1864–1937), Евгений (1866–1891), Дмитрий (1872–1945), Николай (1874–1898) и Алексей (1880–1889). Большинство из них унаследовали традиционную для семьи профессию военного.

У генерала Василия Иосифовича Гурко к началу Первой мировой войны из пяти братьев по разным причинам в живых осталось только двое.

Старший брат, Владимир Иосифович (1862–1927) – действительный статский советник, камергер императорского двора. Он заведовал земским отделом МВД, был товарищем министра внутренних дел с 1906 г. в министерстве П.А. Столыпина (уволен по обвинению в финансовых махинациях, так называемое «дело Лидваля»). Поводом для увольнения послужило то, что В.И. Гурко заключил с предпринимателем Э.П. Лидвалем договор о поставке хлеба в голодающие губернии, выдав ему 800 тыс. руб. Поставки же были исполнены лишь в небольшой части, не покрывавшей выданного аванса. Суд в октябре 1907 г. приговорил Гурко к отстранению от государственной службы на три года за превышение власти и неосторожность. Известный государственный деятель С.Ю. Витте заметил по этому поводу: «Если бы это был не Гурко, а кто-нибудь другой, то наказание было бы гораздо более строгим». Общественность была убеждена: Сенат замял дело^[6]. Однако Владимир Гурко сумел через некоторое время продолжить карьеру, но на политическом поприще. В 1909–1910 гг. он управляющий делами Постоянного Совета объединенного дворянства. Вскоре Владимир Гурко стал членом Государственного Совета по выборам от тверского земства (с 1912 г.), являлся одним из виднейших ораторов верхней палаты российского парламента и лидером кружка внепартийного объединения. Он один из инициаторов создания и организаторов деятельности оппозиционного «Прогрессивного блока». В самом начале Февральской

революции ходили упорные слухи о смене ненавистного всем министра внутренних дел А.Д. Протопопова членом Государственного Совета В.И. Гурко^[7]. Однако слухи в действительности не подтвердились. После свершения бурных революций 1917 г. он активный участник Гражданской войны в России, один из руководителей «Правого центра». Способствовал организации в Москве в 1918 г. офицерской группы по спасению царской семьи в Екатеринбурге под руководством капитана Павла Петровича Булыгина. В середине 1918 г. был одним из руководителей «Национального центра» – монархической организации в Москве, тесно связанной с немецким послом графом Мирбахом. В Киеве Владимир Иосифович Гурко устанавливает контакт с «Советом национального объединения России» и безуспешно пытается добиться тесного сотрудничества между атаманом Войска Донского П.Н. Красновым, придерживающимся германской ориентации, и Добровольческой армией генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина, хранящей верность союзникам по Антанте. Позднее Владимир Гурко тесно сотрудничал с руководством Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Он лично предпринимал меры для установления деловых связей с Англией и Францией по оказанию военной помощи белым армиям в России с целью свержения режима большевиков. В частности, бывший член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко делился воспоминаниями об этом периоде: «Я не упомянул, говоря о приезде в Одессу генерала Ballard, что он, придавая особое значение (очевидно оттого, что в Яссах выразителем мнений делегации случайно пришлось быть мне) моей поездке на Запад и желая облегчить мой проезд во Францию, трудный уже по одному отсутствию сколько-нибудь налаженных морских сообщений, отправился на своем миноносце в Ялту и привез оттуда письмо императрицы Марии Федоровны к ее сестре, вдовствующей королеве английской – Александре. Снабдил он меня, кроме того, чем-то вроде открытого листа к английским военным властям, в котором, изобразив меня посланцем императрицы, просил об оказании мне всяческого содействия для проезда в Англию»^[8]. После деловой поездки в Европу он опять вернулся в Россию. При крушении белогвардейского движения эвакуировался в Турцию. Позднее эмигрировал во Францию, продолжал активную деятельность против режима большевиков, являлся членом Парламентского комитета, претендовавшего на роль «всеэмигрантского правительства». Владимир Иосифович скончался в Париже 18 февраля 1927 г. в возрасте 65 лет.

«Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу, 1917–1918» (Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924), «Царь и царица» (Париж, 1927), «Черты и силуэты прошлого» (Стенфорд, 1939; М., 2000).

Младший брат, Дмитрий Иосифович (1872–1945), как и отец, избрал военную карьеру. Образование получил в Пажеском корпусе (1893) и Николаевской академии Генштаба (1900). Выпущен был в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, кавалер золотого оружия и ордена Св. Георгия 4-й ст. Командир 18-го гусарского Нежинского полка (1914–1915). Дослужился до чина генерал-майора (1915). Исполнял должность начальника штаба 14-го армейского корпуса. После Февральской революции был командующим 16-й кавалерийской дивизией. Получил очередной чин генерал-лейтенанта. В Гражданскую войну находился на Северо-Западе России, поддерживал генерала П.Р. Бермонт-Авалова, действовавшего на территории Латвии и командовавшего Западной армией, ездил от его имени в штаб ВСЮР к А.И. Деникину. В 1920 г. эвакуировался из Одессы и покинул Россию. В эмиграции во Франции – товарищ председателя, затем председатель Объединения лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, с 1937 г. в Брюсселе (Бельгия). Умер 19 августа 1945 г. в Париже в возрасте 73 лет.

Перейдем теперь к краткому изложению жизненного пути генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937), чтобы лучше понять как его самого, ту эпоху, в которой он жил, так и опубликованный его старшим братом, очевидно, их совместный труд «Царь и царица» (Париж, 1927). Вероятно, всякий из нас согласится с мнением, что индивидуаль-

ность каждого человека невозможно разглядеть и понять лишь по послужным спискам. Наша главная задача: выяснить и показать политические позиции, жизненные принципы и отношение к происходившим событиям генерала В.И. Гурко. В изложении очерка будем стараться максимально придерживаться объективных исторических источников и документальных фактов, представляя делать выводы самим читателям, ибо народная мудрость гласит: «Сколько человек, столько мнений».

Пристально всмотримся в черты коллективного портрета представителей «сильных мира сего» той далекой эпохи, чтобы лучше понять как их самих, так и ход исторических событий во всем их тесном переплетении и многообразии. До сих пор, почти век спустя, о династии Романовых можно встретить взаимоисключающие отзывы и характеристики. Архивные документы дают возможность развеять устоявшиеся мифы, относительно семьи императора Николая II и восстановить фактографическую достоверность событий. Сегодня общепризнано, что в истории России XX века есть еще множество «белых пятен», которые только теперь начинают исчезать. Последние дневники царской четы, переписка, воспоминания и другие источники позволяют взглянуть по-другому на многие факты. Попробуем восстановить картину обстановки в державе, которую пытается анализировать в своем труде член Государственного Совета В.И. Гурко, и выяснить позиции главных политических сил к началу 1917 г., т. е. переломному рубежу истории Российской империи. Тем более это важно сделать в наше время, 90 лет спустя после свершения Февральской революции, положившей начало глобальным переменам в нашей стране, и когда мы опять в конце XX и начале XXI столетий оказались во многом в схожей ситуации.

Василий Иосифович Гурко (Ромейко-Гурко) родился 8 мая 1864 г., потомственный дворянин, уроженец Петербургской губернии. Образование получил в Ришельевской гимназии (Одесса), Пажеском корпусе (1885) и Николаевской академии Генерального штаба (1892). Выпущен он был в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. С 26 ноября 1892 г. старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии, с 4 июня 1893 г. обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа. В 1893–1894 гг. командовал эскадроном лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. С 20 сентября 1894 г. штаб-офицер для особых поручений при помощнике командующего войсками Варшавского военного округа. С 9 сентября 1896 г. штаб-офицер для поручений при командующем войсками того же военного округа. Во время Англобурской войны 1899–1900 гг. он состоял российским агентом (атташе) при войсках буров, где, кстати сказать, впервые познакомился с А.И. Гучковым, который позднее оказал значительное влияние на его судьбу.

Василий Иосифович относился к числу поклонников, поразивших воображение многих современников поступка А.И. Гучкова, который вместе с братом Федором явились в Южную Африку в качестве волонтеров для участия в войне на стороне буров против англичан. В этой военной кампании Александр Иванович проявил храбрость, граничившую порой с безрассудством. В течение нескольких месяцев он принимал участие в боевых действиях, попал в плен к англичанам, был ранен в ногу. В результате ранения он стал прихрамывать, но возвратился на родину в ореоле славы. Однако о дальнейшей бурной деятельности А.И. Гучкова в России расскажем позднее, а сейчас вернемся к биографии нашего героя.

Василий Гурко с 11 декабря 1900 г. младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, с 6 апреля 1901 г. военный агент (атташе) в Берлине. С 24 ноября 1901 г. состоял в распоряжении начальника Главного штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг.: штаб-офицер для поручений при Управлении генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии. Кавалер золотого оружия. На Русско-японской войне рядом с Василием Иосифовичем Гурко оказались многие в недалеком будущем известные военачальники, которые отличились уже на фронтах Первой мировой войны. В их числе был знаменитый генерал А.И. Деникин (1872–1947), оставивший потомкам интересные мему-

ары, освещающие в том числе события конца 1904 г. в Русско-японской войне и упоминающие о В.И. Гурко: «Ввиду значительного усиления отряда ген. Ренненкамппа 18 декабря [1904 г.] последовал приказ о сформировании для него штаба корпуса. Начальником штаба был назначен полковник Василий Гурко, я же сохранил должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии...»^[9] В конце 1904 г. В.И. Гурко получил очередное воинское звание генерал-майора. С 25 марта 1905 г. он командир 2-й бригады Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. С 20 апреля 1906 г. командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии. С 3 октября 1906 г. по 12 марта 1911 г. – председатель Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны.

В 1908–1910 гг. В.И. Гурко активно сотрудничал с тогдашним председателем думской Комиссии по государственной обороне, лидером партии октябристов А.И. Гучковым. На этом моменте следует остановиться подробнее. В 1908 г. со стороны Государственной Думы усиливается внимание к армии, к ее бедственному положению после поражения в Русско-японской войне. Прежде всего, Дума добилась права обсуждать ассигнования на оборону более конкретно, чем это делалось ранее. Для реализации этого права необходимы были эксперты и специалисты в военной области. В мемуарах генерала А.И. Деникина по этому поводу говорится:

«С 1908 года интересы армии нашли весьма внимательное отношение со стороны Государственных Дум 3-го и 4-го созыва, вернее, их национального сектора. По русским основным законам вся жизнедеятельность армии и флота направлялась верховной властью, а Думе предоставлено было рассмотрение таких законопроектов, которые требовали новых ассигнований. Военное и морское министерства ревниво оберегали от любознательности Думы сущность вносимых законодательных предположений. На этой почве началась борьба, в результате которой Дума, образовав “Комиссию по государственной обороне”, добилась права обсуждать по существу, “осведомившись через специалистов”, такие, например, важные дела, как многомиллионные ассигнования на постройку флота и реорганизацию армии.

“Осведомление” шло двумя путями: при посредстве официальных докладчиков военного и морского ведомства, которые давали комиссии лишь формальные сведения, опасаясь, что излишняя откровенность, став известной левому сектору Государственной Думы, может повредить делу обороны, и путем частным. По инициативе А.И. Гучкова и ген. Василия Гурко, под председательством последнего, образовался военный кружок из ряда лиц, занимавших ответственные должности по военному ведомству, который вошел в контакт с умеренными представителями Комиссии по государственной обороне. Многие участники кружка, как ген. Гурко, полковники Лукомский, Данилов и другие, играли впоследствии большую роль в Первой мировой войне. Все эти лица не имели никаких политических целей, хотя за ними и утвердилась шутливая кличка – “младотурок”. На совместных с членами Думы частных собраниях обсуждались широко и откровенно вопросы военного строительства, подлежащие внесению на рассмотрение Думы. Военные министры Редигер и потом Сухомлинов знали об этих собраниях и им не препятствовали. Так шла совместная работа года два, пока в самом военном кружке не образовался раскол на почве резкой и обоснованной критики частным собранием некоторых, внесенных уже в Думу, без предварительного обсуждения в нем, законопроектов. Об этом узнал Сухомлинов и встревожился. Лукомский и трое других участников вышли из состава кружка. “Мы не могли, – писал мне впоследствии Лукомский, – добиваться, чтобы Дума отвергла законопроекты, скрепленные нашими подписями”. В отношении других, более “строптивных” “младотурок”, в том числе и самого Гурко, Сухомлинов, после доклада Государю, принял меры к “распылению этого соправительства”, как он выражался, предоставив им соответственные должности вне Петербурга»^[10].

Однако военный министр генерал В.А. Сухомлинов в своих позднее опубликованных в эмиграции воспоминаниях трактовал эти события на свой лад:

«Гучков ополчился против меня еще в 1910 г. после того, как убедился в несходстве наших с ним взглядов на назначение военной силы в стране.

Я находил, что солдат, от рядового до генерала, должен быть чужд всякой политике, так как назначение вооруженных сил государства – отстаивать и охранять внутреннее и внешнее благополучие страны, оберегая честь и достоинство родины и поддерживая мировое взаимоотношение государств между собою; поддерживая одновременно с сим порядок мирной жизни и труда населения, – войска являются силою, на которой зиждится данный строй государства.

Будучи членом Государственной Думы, А.И. Гучков, как лидер определенной политической группы, с своей партийной точки зрения желая быть в курсе дел военного ведомства, с целью привлечь армию на свою сторону и в интересах захвата власти и судьбы России, приложил все усилия к тому, чтобы, пользуясь своей ролью в Государственной Думе, расширить, в целях наибольшей осведомленности, круг знакомства в среде Генерального штаба, из числа лиц, служащих в управлениях военного министерства; всему этому, из понятных каждому побуждений охраны военных секретов, – я сочувствовать не мог, но мне трудно было бороться с этим, при существовавших более чем дружеских отношениях его с генералом Поливановым.

Так как я не скрывал от своих сослуживцев отрицательного моего отношения к Гучкову и даже некоторых из них, попавших в цепкие его объятия, предупреждал от увлечения идейностью Гучкова, то естественным был тот поход, который предпринял Гучков против меня и в Думе и в прессе»^[1].

Любопытно отметить, что эти события позднее, т. е. после Февральской революции, а именно 2 августа 1917 г. были предметом рассмотрения Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства, где А.И. Гучков подробно поведал: «С Поливановым меня связывает общая работа в 3-й Государственной Думе. Мы его застали в качестве товарища министра, с ним работа в комиссии по государственной обороне была особенно тесно сплетена. Первый министр, с которым приходилось иметь дело, ген. Редигер, и его помощник, ген. Сухомлинов, появлялись в комиссии государственной обороны и в Думе редко; т. е. Редигер появлялся редко, а Сухомлинов и совсем не появлялся, и поэтому вся общая работа связывала комиссию обороны и Думы именно с Поливановым. Поливанов ценился очень высоко в наших кругах, как человек очень умный, очень знающий, весьма работоспособный и чрезвычайно добросовестный. Мы привыкли уважать его мнение, и не потому, что оно всегда было обставлено обильным материалом, но потому, что оно всегда было искреннее. Мы привыкли к тому, что когда Поливанов на чем-нибудь настаивает, это действительно нужда, которая является чрезвычайно острой, а по другим его объяснениям мы привыкли понимать, что тот или другой вопрос не так уж настоятелен. Так что он нас не обманывал и не скрывал ничего от нас в официальных заседаниях комиссии и Думы. Затем мы ценили его еще и потому, что работа наша в 3-й Думе поддерживалась, между прочим, некоторым кружком, который мы составили сами и в который входило несколько членов Государственной Думы, работавших в комиссии обороны, и несколько молодых генералов и офицеров Генерального штаба, с генералом Гурко во главе. Кружок этот являлся первоначальной лабораторией, где разрабатывались и обсуждались различные вопросы, которые потом шли в комиссию обороны и Думы. Многие вопросы, поднятые по инициативе Думы, возникали впервые в этом кружке. Кружок Генерального штаба был занят составлением истории русско-японской войны; все это люди, которые практически проделали эту войну, теоретически изучали ее материалы. Это был кружок талантливых генералов и офицеров, во главе которых стоял генерал Гурко. В этот кружок мы иногда приглашали генерала Поливанова, который в частной беседе давал нам возможность ознакомиться с другими сторонами дела и с тем материалом, который, может быть, в официальном обсуждении до нас не дошел бы, так что

в нем мы видели полное желание осветить нам все закоулки военного ведомства. Разумеется, Поливанов, как и все мы, относился отрицательно к деятельности военного министра Сухомлинова, но он, как честный служака, против своего шефа никакого похода не вел. Когда же я, убедившись в том, что препятствием к разрешению военного дела является личность Сухомлинова, повел против него поход, и поход этот вылился в той бурной форме, из которой образовалась так называемая мясоедовская история, Сухомлинов заподозрил Поливанова: выходило так, будто Поливанов мне в походе помогает. А так как он со мной расправиться не мог, то и расправился с Поливановым, донес на него Государю, что, дескать, интригует, а главным образом политически окрашен в младотурецкий цвет. Поливанов был внезапно уволен и оставался не у дел, в тени, кажется, членом Государственного Совета»^[12].

В опубликованных уже в советские времена дневниках А.А. Поливанова также имеются сведения об этой истории, читаем его запись от 8 декабря 1907 г.: «К 8^{1/2} час. веч. приехал к военному министру дабы участвовать в беседе с делегацией из 12 человек Комиссии по обороне Государственной Думы. Между прибывшими были: Гучков, Звегинцев, Хвощинский, Крупенский, Безак, гр. Бобринский, Балашев, Плевако, кн. Шервашидзе, кн. Шаховской. Потом перешли в кабинет, где военный министр изложил им программу Министерства, сначала по личному составу, потом по материальной части. Я доложил о тех расходах (2.133 мил.), которые были исчислены для нужд армии; Гучков просил меня назвать главные статьи расходов»^[13].

Заметим, что по утверждению генерала В.И. Гурко инициатором создания этой группы офицеров был член Комиссии по государственной обороне III Государственной Думы А.И. Звегинцев, близкий к А.И. Гучкову. В любом случае Гучков предложил генералу Гурко собрать группу офицеров для обсуждения военных реформ, которая должна была поднять уровень тех проектов, которые рассматривала комиссия. В качестве условия своего согласия Василий Иосифович поставил разрешение подобной деятельности со стороны военного министра А.Ф. Редигера и начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына. Участник этих совещаний А.С. Лукомский позднее в своих воспоминаниях по этому поводу писал следующее: «В конце 1908 года, с разрешения военного министра Редигера, подтвержденного новым военным министром генералом Сухомлиновым, генерал В.И. Гурко, на своей частной квартире, собирал представителей различных отделов военного министерства – с целью знакомить лидеров различных партий Государственной Думы и желающих членов комиссии обороны Государственной Думы с различными вопросами, их интересовавшими, и более детально и подробно разъяснять причины необходимости проведения тех или иных законопроектов. Члены Государственной Думы на эти собеседования приглашались персонально председателем комиссии обороны Государственной Думы. На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые считалось невозможным оглашать не только в общем собрании Государственной Думы, но даже и на заседаниях комиссии обороны. Это общение и даваемые разъяснения в значительной степени облегчали проведение различных законопроектов»^[14].

В круг офицеров, привлеченных к работе, входило в разное время от 10 до 12 человек, среди них был и М.В. Алексеев, занимавший тогда должность 2-го генерал-квартирмейстера в Главном управлении Генерального штаба^[15]. Сам А.И. Гучков позднее свидетельствовал об этих собраниях: «Видя во мне человека, желающего восстановить нашу военную мощь после этого ослабления, созданного японской войной, они, в очень, правда, дискретной форме, помогали мне ориентироваться в военных вопросах, указывая главные потребности. Они не были в числе главных моих осведомителей, они мне язвы военного ведомства не раскрывали, а просто давали те или другие советы. Вот откуда это началось»^[16].

Следует отметить, что генерал В.И. Гурко пользовался некоторой популярностью и в рядах правого политического лагеря, к которому принадлежал искушенный царедворец

генерал П.Г. Курлов, возглавлявший в 1907 г. Департамент полиции, а позднее был помощником или, как тогда называли, товарищем министра внутренних дел. Он, в частности, объяснял в своих воспоминаниях своеобразие характера и позиций генерала В.И. Гурко: «С ним я познакомился еще в 1907 году, когда он заканчивал в Петербурге работы, связанные с Японской войной. Вас. И. Гурко поражал меня быстротой ума с твердостью своего характера, так что я просил П.А. Столыпина разрешить мне предложить ему должность начальника штаба отдельного корпуса жандармов, ввиду предполагавшегося тогда ухода занимавшего этот пост генерала Гершельмана, но, к сожалению, встретил категорический отказ министра. Генерал Вас. И. Гурко состоял в довольно близких отношениях с А.И. Гучковым, а, следовательно, занимая перед революцией должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, осложнял борьбу, которую приходилось в то время правительству вести с Гучковым, как с вдохновителем Военно-промышленного комитета и его рабочей группы, ставшей определенно на явно революционную почву. Я думаю, что такое направление генерала Вас. И. Гурко не было ему свойственно, – это он и доказал письмом к Государю Императору после революции, за что и был заключен “освободителями” в Петропавловскую крепость, и что такое временное уклонение в сторону оппозиции – вина П.А. Столыпина. Брат генерала Гурко – Владимир Иосифович, бывший товарищем министра внутренних дел, являлся одной из самых крупных фигур бюрократии, выдающегося ума, непреклонного характера и крайне монархического направления, – и мог бы сыграть очень серьезную роль, если бы остался в рядах правительства. Предание его суду по делу Лидваля не могло не вызвать в нем обиды и даже озлобления, несмотря на то, что клевета и грязь по обвинению его в корыстных побуждениях на суде были всецело опровергнуты и Влад. И. Гурко – убежденный монархист – был избран Тверским земством в члены Государственного Совета. В открытую оппозицию правительству он не стал, но не был в силах отрешиться от известных на него нападков. Оскорбление, нанесенное этим процессом семье Гурко, справедливо гордившейся службой их отца, героя Турецкой войны и фельдмаршала, не прошло бесследно и для генерала Вас. И. Гурко, в чем, по моему мнению, и надо искать причины его уклонения влево перед самой революцией»^[17].

Другие современники тех событий, в том числе В.Н. Коковцов, отмечали, что Владимир Иосифович Гурко на службе в МВД проявлял задатки недюжинного парламентского бойца, по существу – готового премьера, вызвала, очевидно, ревность П.А. Столыпина, который поспешил под первым удобным предлогом отделаться от слишком яркого и самостоятельного «товарища», т. е. своего помощника. В результате судебного скандала Владимир Гурко принужден был оставить министерство.

Отставка товарища министра В.И. Гурко вызвала многочисленные толки в столичных салонах аристократов. Так, влиятельная генеральша А.Г. Богданович 16 ноября 1906 г. пометила в дневнике: «Все газеты травят Гурко, который упорно молчит, не защищается. Если все это верно, то положение его безвыходное. Мнение всех, кто знает Гурко, что этот человек всегда сумеет выскочить из всякого положения – ужасный нахал»^[18]. Однако год спустя она меняет свое мнение. Так, например, А.Г. Богданович 26 октября 1907 г. записала в своем дневнике: «Насчет Гурко многие говорят, что он слишком строго наказан – отрешен от должности и 3 года не имеет права вступить ни на какую службу»^[19]. Через день, т. е. 28 октября, еще одна запись: «Сегодня самарский предводитель Наумов сказал, что вчера многие предводители ездили к Гурко расписаться, – находят, что слишком строг вынесенный ему приговор. Стишинский убежденно говорил, что признает Столыпина двуличным, что он ведет ту же политику, которую вел Витте, но он менее талантлив, чем Витте. Говорит, что Столыпин предал Гурко суду из зависти, так как в нем видел опасного соперника в Думе, куда пришлось бы ехать и говорить там Гурко, который бы затмил своими речами его, Столыпина. Что Столыпин кадет, в этом Стишинский не сомневался. Каких людей он

удалил за бытность свою теперь премьером – его, Стишинского, Ширинского-Шихматова, Гурко и Шванебаха – все это люди с ярко известным всем направлением. По мнению Стишинского, следовало сделать Гурко выговор, но не признавать его виновным. Сказал он, что все сословные представители высказывались именно за выговор, а это осуждение – прямо дело рук Столыпина»^[20].

Многие сторонники Владимира Гурко считали, что он стал жертвой своих консервативных, истинно монархических политических убеждений. Спустя всего несколько месяцев после приговора суда император Николай II помиловал его и назначил в 1910 г. камергером Высочайшего двора.

Позднее, находясь в эмиграции, бывший член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко констатировал в своих мемуарах: «Я смотрел на события из окошка этого ведомства (МВД. – В.Х.), смотрел, следовательно, несомненно односторонне и вовсе не намерен этого скрывать. Мои беглые заметки, представляющие краткую хронику времени, непосредственно предшествовавшего и сопутствовавшего встряске, испытанной Русским государством в царствование Николая II, хронику, иллюстрированную некоторыми личными воспоминаниями, если и имеют какую-либо цену в смысле сырого исторического материала, то лишь как освещение этих событий с точки зрения чиновника, в течение почти всей своей государственной службы убежденного, что Россия, русский народ не доросли еще до самоуправления, а ее интеллигентские слои представляли не творческие, а разрушительные элементы. Увы, со временем я убедился, что, с другой стороны, жизнь народа, предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного управления. Удержаться эта форма вообще не могла, так как перестала соответствовать психике интеллигентных слоев населения – этого, как ни на есть, основного фактора народной жизни. В этом, на мой взгляд, и заключалась в то время трагедия русской государственной власти»^[21].

Однако мы вернемся к изложению хронологии и последовательности событий. По некоторым сведениям, которые встречаются в исторической литературе, генерал В.И. Гурко являлся членом масонской «Военной ложи». Тема эта малоисследованна, и на первых порах большинство работ ограничивалось разработкой причин революции, т. е. так называемой версии «жидо-масонского заговора». Историк Борис Иванович Николаевский (1887–1966) подчеркивал: «Но для изучения вопроса о русском масонстве по существу вся эта литература не только ничего не дает, но и определенно играет роль затемняющего фактора: имеющиеся в ней крупницы правды так безнадежно тонут в огромной массе злостной лжи и бредовых измышлений столь специфического характера, что вся она в целом только отталкивает беспристрастного читателя, вызывая у него, в качестве первой и более чем естественной реакции, желание как можно дальше отойти от этой темы, вокруг которой переплелись так много нечистых и нечестных интересов»^[22]. Далее перечисляя трудности для ученых изучения темы, он отмечает особенности масонских организаций: «Это исключительное отсутствие материалов объясняется абсолютной законспирированностью масонской организации в России. ...Масонская организация не только конспирировала все без исключения стороны своей деятельности, но и облекала тайною факт своего существования. Мне неизвестно ни одного случая, когда эта организация как таковая выступила более или менее публично перед внешним миром с заявлением о своем существовании и о своих задачах: ни одного случая, когда кто-либо из ее членов публично же признал факт своей принадлежности к ней»^[23].

Одной из первых к этой теме обратилась Нина Николаевна Берберова (1901–1993). В частности, она указывала, что в петербургскую «Военную ложу» в этот период «входили А.И. Гучков, ген. Вас. Гурко, Половцев и еще человек десять – высоких чинов русских военных»^[24].

Другое подтверждение мы находим в исследовании генерала Н.А. Степанова «Работа Военной ложи», которое в какой-то степени проливает свет на неизвестные стороны деятельности Василия Иосифовича Гурко. В работе указывалось следующее:

«Началось с приглашения, разрешенного военным министром генералом Редигером, офицеров в Государственную Думу, в качестве специалистов по техническим вопросам военных кредитов. Но вскоре брат¹ А.И. Гучков негласно образовал постоянный кружок для обмена мнениями по военным текущим вопросам, в состав которого вошли члены Государственной Думы Савич Н.В., Крупенский П.Р., граф Бобринский В.А. и некоторые офицеры, преимущественно генерального штаба (Н.Н. Янушкевич, А.С. Лукомский, Д.Ф. Филатьев и др.), из служащих в Главных управлениях Военного министерства, во главе с генералом Василием Иосифовичем Гурко. К этому кружку примыкали свыше генералы Поливанов А.А. и Мышлаевский А.З.

Конституционные собрания происходили сперва на квартире генерала В.И. Гурко. Особенным вниманием хозяина дома пользовался Генерального штаба полковник Василий Федорович Новицкий, который в составе небольшой группы революционно настроенных офицеров издавал в 1906 году газету «Военный Голос», закрытую после обыска и ареста членов редакции»^[25].

Н.А. Степанов прямо называет учредителями «Военной ложи» А.И. Гучкова и генерала В.И. Гурко.

Имеются любопытные, но противоречивые сведения по этому делу в опубликованных позднее эмигрантских воспоминаниях генерала В.А. Сухомлинова, бывшего военного министра царского правительства, который писал следующее:

«Когда я принял министерство², мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства народилась еще какая-то комиссия вне ведения военного министра, состоящая из военных чинов под председательством Гучкова, при Государственной Думе. Совершенно случайно я узнал об этом; список участников, 8 или 10 человек, был вскоре у меня в руках. В нем, между прочим, значился генерал Гурко, редактор истории японской кампании, полковник барон Корф и др. чины военного ведомства.

Я доложил об этом Государю, как о факте ненормальном, и о том, что все эти чины давно уже стоят во главе списков кандидатов на различные должности, а потому просил разрешения по мере открытия вакансий всех их выпроводить из столицы. Государю этот выход очень понравился, он улыбнулся и сказал:

– Вполне одобряю – так и сделайте.

Я так и сделал: открывшаяся вакансия первой кавалерийской дивизии в Москве была предоставлена генералу Гурко...»^[26].

Относительно дальнейшей деятельности в этот период указанной выше нами масонской организации генерал Н.А. Степанов отмечал: «Одновременно собрания “Военной ложи” были взяты под надзор полиции, в военных кругах Петрограда пошли разговоры “о наших младотурках”. В правительственных кругах генерала Гурко называли “красным”. Вследствие этого работа народившихся масонских лож, в том числе и военной, замерла – ложи “заснули”. Но это не помешало существованию младотурок среди офицеров, главным образом Генерального штаба»^[27].

Утверждение генерала Н.А. Степанова, что «работа народившихся масонских лож, в том числе и военной, замерла», не вполне соответствует действительности. Масоны действовали чрезвычайно конспиративно. Известный историк Б.Н. Николаевский собрал множество тому доказательств. Так, например, он приводит любопытную запись беседы с известным

¹ Под словом брат подразумевается член масонской ложи.

² Имеется в виду Военное министерство, в котором в 1909 г. Сухомлинов занял пост министра.

масоном А.Я. Гальперном, который свидетельствовал о методах работы масонских лож: «Я сам вошел в ложу, кажется, в 1911 году. Привлекли меня Керенский и Барт, присяжный поверенный, сын Г.А. Лопатина. Во время первых разговоров речь шла о моем отношении к вопросу о желательности создания организации, которая согласовывала бы действия разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия, и не думаю ли я, что моя принадлежность к одной из партий может явиться причиною вступления в такую организацию? Когда выяснилось мое положительное отношение к этим задачам и моя готовность вступить в такую организацию, мне поставлен был вопрос, не смутит ли меня несколько необычная форма новой организации, которая стремится к объединению людей на необычной в России основе – морального сближения. Попутно – правда, очень поверхностно – было упомянуто, что вступление в ложу связано с некоторым ритуалом, и здесь же было сделано предложение вступить в эту организацию»^[28].

Далее, описав ритуал обряда, масон А.Я. Гальперн продолжал:

«Когда с моих глаз сняли повязку, я увидел, что на собрании присутствуют: Демьянов (впоследствии товарищ министра юстиции), член Государственной Думы Виноградов, Керенский, Барт, Яков Яковлевич Брусов – петербургский архитектор, А.И. Браудо, Сергей Дмитриевич Масловский (Мстиславский), Переверзев (позднее министр юстиции), Макаров. ...

Конспирация в организации выдержана была очень последовательно и строго. Члены одной логи не знали никого из других лож. Масонского знака, по которому масоны в других странах опознают друг друга, в России не существовало. Все сношения логи с другими ячейками организации происходили через одного председателя логи – Venerabl'я. Членов логи, которые раньше состояли в различных революционных организациях, поражала выдержанность и последовательность конспирации. Позднее, когда я был секретарем Верховного Совета и знал по своему положению почти всех членов лож, мне бывало почти смешно видеть, как иногда члены разных лож меня же агитировали в духе последнего решения Верховного Совета, не догадываясь, с кем имеют дело»^[29].

Далее А.Я. Гальперн подчеркивал роль Верховного Совета масонов в России:

«Создавая новые логи, Верховный Совет пытался группировать их по роду занятий. Именно таким образом были созданы логи думская, военная, литературная. Особенно важное значение в жизни организации имела Думская ложа, руководству которой Верховный Совет уделял исключительно большое внимание. В нее входили депутаты Ефремов, Коновалов, Орлов-Давыдов, Демидов, Виноградов, Волков, Степанов, Колубакин, Некрасов, Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Гегечкори, Чхенкели (стоял вопрос о привлечении Головани, но его кандидатура была отклонена, так как Керенский высказался против, он считал его болтуном), – кажется все. Задачи этой группы во многом аналогичны задачам Прогрессивного блока 1915–1917 гг., только с левым уклоном...

Очень характерной для настроений большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова, революционный патриотизм. Наиболее сильно это настроение выступало, конечно, в годы войны, но в основе оно имело и раньше. Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения, можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксирована догматом организации»^[30].

Необходимо отметить, что в числе членов первых масонских организаций в России были и аристократы. Так, например, в исторической литературе говорится, что в 1907 г. в Петербурге «открылась “Полярная звезда”, председателем которой был избран посвященный в январе того же года во Франции блестящий аристократ-помещик, друг великого князя

Николая Михайловича граф Алексей Орлов-Давыдов. Собирались в его особняке на Английском бульваре, он же полностью взял на себя содержание ложи»^[31].

В числе масонов вскоре оказался не только великий князь Николай Михайлович, но позднее и его брат великий князь Александр Михайлович. В исторической литературе упоминается, что в 1911 г. в Петербурге в “Карме” председательствовал внук Николая I великий князь Александр Михайлович, ее членами были Беклемишев и чиновник министерства иностранных дел А.П. Веретенников»^[32]. Однако состав масонских лож не был стабильным, часто менялся, и они то сворачивали свою деятельность, то, наоборот, ее активизировали, в зависимости от ситуации.

Заметим, что уже в 1909 г. только в Петербурге функционировали три масонских организации: «Полярная Звезда», «Феникс» и «Военная ложа», которые сыграли определенную роль в подготовке Февральской революции и куда входили многие видные общественные деятели России. Однако об этом расскажем позднее, а сейчас проследим за дальнейшей военной карьерой Василия Иосифовича Гурко.

Он получил очередной чин генерал-лейтенанта от кавалерии в 1910 г. С 12 марта 1911 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии. В момент вступления в должность Гурко дивизия стояла недалеко от Москвы. В состав дивизии входил 1-й Донской казачий полк, знакомство с которым генерала В.И. Гурко состоялось, со слов сотника Крюкова, в достаточно курьезной обстановке:

«Вдруг вижу, по шоссе полным ходом несется автомобиль и так весь и содрогается, так и подпрыгивает на ходу, при ударах на ухабинах. Кто это, думаю, сломя голову так несется? Того и гляди, автомобиль перевернется, да шею ездокам свернет. И только я это успел подумать, как автомобиль вдруг скользнул вбок, блеснул лакированной покрышкой и, с размаху врезавшись в канаву, перевернулся, вертя колесами в воздухе... Седоки полетели вверх тормашками. У меня сердце упало. Ну, думаю, капут обоим... Только вижу, седок, описав сальто-мортале в воздухе, вместо того, чтоб упасть, ловко этак, как мячик, пружинисто присел на ноги и тотчас же вскочив, побежал к неподвижно лежащему на снегу шоферу и поднял его. Потом шофер, хромая, поддерживаемый седоком, полез к автомобилю, а седок направился ко мне. Вижу, – генерал, маленький такой, сухонький, из себя не то так видный, а ловкий, собранный, хорошей тренировки; лицо вострое, резкое, бритое, мужественное, с широким лбом и выпуклыми чертами, точно отлитое из бронзы. Взор властный, орлиный, так и впивается начальственным оком из-под густых, суровых, нависших бровей. На голове фуражка этак набекрень, а волосы, как воронье крыло, назад гладко зачесаны на висках. Пальтишко легкое, летнее, не боится, знать, зимы, сидит на нем как влитое, в обтяжку, и если бы не генеральские алые отвороты, так сказал бы, что молоденький корнет, уж больно ловко и щегольски он его носит... Генерал потребовал коня и тут же с места стал объезжать полки и наблюдать их учение. ... А шофера-то пришлось отправить в госпиталь. Бедняга весь расшибся. Оно, может быть, и Гурко-то расшибся, да виду не подал, провел все учение и вместе с нами вернулся домой»^[33].

С этой кавалерийской дивизией генерал В.И. Гурко вступил в Первую мировую войну и действовал в Восточной Пруссии в составе знаменитой 1-й армии генерала П.К. Ренненкампа. Во время Восточно-Прусской операции находился в числе войск, направленных в поддержку 2-й армии генерала А.В. Самсонова. 18 августа 1914 г. Гурко занял Алленштейн (в районе Танненберга).

Однако вскоре военная удача отвернулась от русских войск, и они подверглись тяжким испытаниям. В рукописных воспоминаниях казачьего начальника В.А. Замбрицкого отмечались за этот период кровопролитные бои дивизии В.И. Гурко:

«Да, подошли к нам минуты испытаний... Это было тогда, когда немцы только что разгромили Самсонова под Сольдау, а затем обрушились на зарвавшуюся вперед армию Рен-

ненкампа, грозя отрезать ее с тыла. Наша дивизия прикрывала его левый фланг, и нам пришлось выдержать всю силу удара обходных корпусов, предназначавшихся Ренненкампу, и не будь Гурко, прямо скажу, несдобровать бы всей первой нашей армии... А положение было не то, что скверное, – отчаянное прямо, и я не представляю себе, как мы оттуда живыми ушли! Как сейчас помню бой у села Петрашка. Навалились на нас 3 немецкие пехотные дивизии и конница, да еще с тяжелой артиллерией. А у нас что? Легкие конные пушечки, так разве ими отобьешься?... А местность то лесистая по краям, все перелески да перелески, того и гляди, обойдут немцы. Да посередке открытое поле, и за пригорочком лежат наши казаки, а где разбросались уланы и казаки. Гвоздят немцы по бугру, и все чемоданы, все чемоданы, так и чешут, так и сносят, так и мнут. Невмоготу терпеть, нет никакой мочи, ну просто не выдерживает сердце. Пригнулись мы, в землю вросли, про себя молитву “Живый в помощи Всевышнего” читаем. Тянет сползти с проклятого бугра, уйти куда-нибудь, и бежать, бежать без оглядки назад из этого сплошного ада. А не смеем! Мы-то лежим, а он, Гурко, т. е. стоит во весь рост на этом бугру и хоть бы что! Точно не по нему-то бьют, точно не вокруг него столбом рвутся и воют снаряды, точно не смерть витает, не убитые и раненые валяются и корчатся, а сладкая музыка играет, и ангелы песни поют. Стоит это он себе, по своей привычке стеком по носку сапога хлоп-хлоп, и нет-нет парой слов перекинется с адъютантом своим Арнгольдом. Далеко видать алые генеральские лампасы... Штаб весь ушел давно, Гурко его назад отослал, а сам с Арнгольдом остался. И пока стоит он здесь, на бугре, не смеем и мы уйти... А там, из-за перелесков, вдруг выносятся конная немецкая бригада из двух полков и летит на нас в атаку. Ну, пропали, думаем! Только вижу, махнул рукой Гурко нашему резерву – трем сотням. Те вмиг на коня, и марш-марш, на немца колонной поскакали... Господи ты, Боже мой, что тут было!.. А Гурко стоит все с той же легкой усмешкой, застывший в спокойной, бесстрастной позе. Затаив дыхание, глядим и мы туда, где сейчас решается судьба. Что-то будет? Вдруг видим, немецкая бригада дрогнула, замедляет ход, идет все тише, тише и сразу повернув, шарахнулась в сторону, уходит от наших казаков... Не приняла боя... Что тут было. Мы как лежали, так всею цепью сразу поднялись и с криками “ура” бросились на немцев. Гусары, уланы, драгуны, казаки – все один перед другим старались отличиться на глазах любимого начальника. Шли в атаку и пешие, и конные, не обращая никакого внимания на огонь... В этот день мы потеряли половину личного и конного состава, но удержали за собой позиции... Армия Ренненкампа была спасена»^[34].

Генерал В.И. Гурко в октябре 1914 г. за боевые заслуги был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 9 ноября 1914 г. он уже командир 6-го армейского корпуса. В начале ноября, после прорыва германскими войсками позиций 2-го армейского корпуса, Гурко активными действиями исправил положение и 9 (22) декабря вынудил германскую армию остановить наступление. Он 21–23 января 1915 г. по приказу генерала Н.В. Рузского провел операцию по возврату захваченного немцами фольварка Воля-Шидловская. Несмотря на возражения Гурко, не желавшего ненужной гибели войск, штаб фронта настоял на операции, в которой корпус Гурко (увеличенный до 6 дивизий) потерял около 40 тыс. человек, так и не добившись значительных успехов.

Накануне проведения этой операции, т. е. 16 января 1915 г., штаб и позиции 6-го армейского корпуса генерал-лейтенанта В.И. Гурко посетил великий князь Андрей Владимирович, который сделал следующую запись в своем дневнике:

«В 11^{1/2} часов я на моторе выехал на Гузов в штаб 6-го армейского корпуса к генералу Гурко. Поговорив немного, мы вместе поехали на позиции, где были крепостные орудия, и присутствовали при стрельбе. Разрывы были видны простым глазом. Молодой прапорщик, командир взвода, очень симпатичный и расторопный, давал отличные ответы на задаваемые вопросы, и было видно, что он вполне в курсе дела. Когда я его спросил, хорошо ли ты знаешь свои 120-пудовые 6-дм пушки, он мне с гордостью ответил: “Я – крепостник, Ваше

Императорское Высочество!» Т. к. стрельба шла интенсивная и по телефону командир батареи беспрестанно давал приказания, то разговаривать долго было трудно, и мы пошли назад. Неприятель начал пристреливаться к батарее. Шрапнели рвались по сторонам, но мы благополучно вышли из сферы огня и вернулись в штаб. Батарея стреляла при мне на 3 версты 100 саженой по высоте Шидловской. Была слышна пулеметная и ружейная трескотня, и ясно видны разрывы чемоданов»^[35].

В конце мая – начале июня 1915 г. генерал Гурко провел две операции на Днестре, в ходе которых разбил два австро-венгерских корпуса и взял в плен свыше 13 тыс. солдат и офицеров, захватил 6 орудий и свыше 40 пулеметов. За эти действия он 3 ноября 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. После того как генерал П.А. Плеве получил назначение главнокомандующим армиями Северного фронта, В.И. Гурко 6 декабря 1915 г. возглавил 5-ю армию (утвержден был на этой должности 21 февраля 1916 г.).

Он часто проявлял инициативу, которую не всегда поддерживали высшие военные начальники. Так, например, штабс-капитан М.К. Лемке, служивший при Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве, писал в своих воспоминаниях: «23 декабря 1915 г. Командующему V армией Гурко приказано держать один корпус в Режице. Он предлагает иное, хочет войти в переговоры и доносит Алексееву, что думает по этому поводу. Начальник штаба ответил: “Думаю, что выработка плана должна вестись не переговорами и соглашениями, а указаниями штаба фронта, это – его работа, соглашение с левым соседом установит мой штаб”»^[36].

Далее Лемке отмечал не очень уступчивый характер Гурко: «В виду Высочайшего смотра 29 января [1916 г.] некоторых частей V армии Плеве и Гурко успели поссориться и один на другого взвалить в телеграммах к начальнику штаба всевозможные обвинения в бестолковости и пр., конечно, не так категорически выраженные. Что же будет перед боем и после неудачного боя?»^[37]

Однако это не препятствовало В.И. Гурко успешному продвижению по служебной лестнице. В 1916 г. он получил очередное воинское звание генерала от кавалерии. Во время общей наступательной операции Северного фронта 8–12 (21–25) марта 1916 г. предпринял безуспешное наступление силами 13-го, 27-го и 28-го армейских корпусов от Якобштадта. Операция успеха не принесла, а 5-я армия потеряла около 38 тыс. человек. Справедливости ради отметим, что армия не совсем была готова к наступлению, как свидетельствует в воспоминаниях М.К. Лемке «Гурко (V армия) донес, что может начать операцию не 5-го, а только 8 марта. Алексеев доложил об этом царю с видимым неудовольствием, отметив, что, очевидно, Гурко не принял во время нужных мер... Что-то и эта операция начинается шершаво...»^[38]

Однако неудача не обескуражила Гурко, который продолжал выступать с различного рода инициативами. Так, например, в тех же воспоминаниях М.К. Лемке указывается: «После мартовской операции Гурко подал мысль, нельзя ли путем затопления и заболачивания отогнать немцев от Якобштадта и увеличить плацдарм. Крейслер исполнил это задание и залил водой реки, на которой устроил плотину, громадное пространство. Немцы должны были отойти. Затем зимой гидротехническая организация обледела крутой берег Двины и сделала его совершенно неприступным для атаки. Все здесь пока неизвестно»^[39].

Любопытно отметить, что весной 1916 г. генерал В.И. Гурко был замечен императрицей Александрой Федоровной. Так, например, она в своем письме к супругу от 5 марта 1916 г. отмечала: «Г[енерал]-м[айор] Гурко от имени 5-й армии телеграфировал мне из Двинска, благодаря за мои поезда-склады, которые там стоят и очень помогают полкам. Мне отраднo узнать, что эти небольшие учреждения Мекка так хорошо работают»^[40].

К концу мая 1916 г. в состав 5-й армии Гурко (при начальнике штаба генерале Е.К. Миллере), развернутой в районе Якобштадта, входили 13-й, 19-й и 38-й армейские корпуса,

а также 2-й Сибирский корпус. С 14 августа 1916 г. генерал В.И. Гурко уже командующий Особой армией, созданной на базе военной группы генерала В.М. Безобразова, в которую входили войска Гвардии, 1-й и 30-й армейские корпуса, а также 5-й кавалерийский корпус.

Весьма любопытна предыстория назначения на эту должность В.И. Гурко, о чем имеются сведения в мемуарах генерала А.А. Брусилова, который на тот момент был командующим Юго-Западным фронтом: «На мой фронт приехал председатель Государственной Думы Родзянко и спросил разрешения посетить фронт, именно Особую армию. Уезжая обратно, он послал мне письмо, в котором сообщал, что вся гвардия вне себя от негодования, что ее возглавляют лица, неспособные к ее управлению в такое ответственное время, что они им не верят и страшно огорчаются, что несут напрасные потери без пользы для их боевой славы и для России. Это письмо мне было на руку, я препроводил его при моем письме Алексе-еву, с просьбой доложить Государю, что такое положение дела больше нетерпимо и что я настоящим образом прошу назначить в это избранное войско, хотя бы только на время войны, наилучшее начальство, уже отличившееся на войне и выказавшее свои способности. В конце концов, все вышеперечисленные лица были сменены, и командующим этой армией был назначен Гурко, человек, безусловно соответствующий этому назначению, но, к сожа-лению, было уже поздно, да и не все смененные лица были заменены столь удачно»^[41].

Свое участие в смене высшего командования гвардейских частей на фронте не отри-цал председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, который в тот период был в Луцке и встречался с сыном Георгием. Он командовал ротой лейб-гвардейского Преображенского полка, принимал непосредственное участие в боях и свои наблюдения о трудностях на фронте поведал при свидании влиятельному отцу. В своих воспоминаниях М.В. Родзянко указывал: «Под впечатлением всего виденного и слышанного я отправил подробное письмо Брусилову, а Брусилов, прибавив к моему письму свой собственный доклад, переслал и то и другое в Ставку. В результате генерал Безобразов, его начальник граф Игнатъев, великий князь Павел Александрович и профессор Вельяминов были смещены»^[42].

Об этой перемене командования армии сообщил Николай II в письме супруге от 13 августа 1916 г.: «Я на место Драгомирова выбрал ген. Гурко, который командует 5-й армией и знаком с работой в большом штабе, — я намерен назначить его вместо Безобразова»^[43]. Через три дня, т. е. 16 августа, император в очередном письме императрице Александре Федоровне вновь упоминает об этом вопросе: «Я послал свой приказ бедняге Безобразову, так как Гурко уже отправился занять его пост. Эта встреча для нас обоих будет не из приятных!»^[44]. На следующий день, 17 августа 1916 г., Николай II вновь упоминает о генерале Гурко: «Вчера я принимал Гурко, имел с ним серьезный разговор, а затем мы совещались втроем с Алексее-вым. Слава Богу, он, кажется, как раз такой человек, в каком я нуждался. Он отлично пони-мает, как себя надо держать с гвардией и т. д. Безобразов еще не приезжал»^[45].

В свою очередь, Александра Федоровна в ответном письме супругу от 18 августа также отметила: «Я очень рада, что ты доволен Гурко — тот ли это, который у нас лежал и кото-рого кн. Гедройц спасла во время японской войны?»^[46]. На вопрос императрицы Александры Федоровны относительно генерала В.И. Гурко, Государь отвечает в письме от 19 августа: «Ты спрашиваешь, который Гурко получил новое назначение? Это — тот маленький генерал, который командовал 1-й кавалерийской дивизией в Москве. Гротен одобрял его, как началь-ника. До сих пор он командовал 5-й армией в Двинске, а теперь Драгомиров назначается на его место. Слава Богу, известия хорошие — в первый день нашего наступления мы взяли в плен 300 офицеров и более 15 000 австрийских и германских солдат»^[47].

Стоит подчеркнуть, что император Николай II чувствовал некоторую неловкость перед своим однополчанином, давним товарищем по службе генералом В.М. Безобразовым. В своем очередном письме от 18 августа 1916 г. он сообщал Александре Федоровне: «Ну вот, вчера я принял Безобразова, имел с ним длинный разговор и остался доволен тем, как он

себя держал, это еще раз показало мне, какой он честный и порядочный человек! Я дал ему двухмесячный отпуск. Он намеревается пройти курс лечения на кавказских водах и просит дать ему любое назначение в армии. Я обещал ему, если его здоровье позволит и если откроется вакансия в одном из гвардейских корпусов, назначить его туда! Он был очень хорош во главе армейского корпуса – почему не дать ему после высокого поста более низкий, на котором он со своими способностями может принести пользу?

Гурко, с которым я на днях об этом говорил, сказал мне, что это разумная система – назначать генералов, которые, конечно, ни в чем не провинились, – обратно на их предпоследние посты, как было с Шейдеманом или Мищенко, и т. д. Я совершенно с этим согласен»^[48].

Однако гвардейские части в составе Особой армии под командованием В.И. Гурко были недолго. После августовского наступления Юго-Западного фронта из Особой армии в 8-ю и 9-ю армии были переданы все войска Гвардии и 30-й армейский корпус. Вместо этого Особая армия была усилена: 34-й армейский корпус (генерал-лейтенант П.П. Скоропадский) из состава 2-й армии, 26-й армейский корпус (генерал-лейтенант Миллер) из состава 10-й армии и 25-й армейский корпус (генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов) из 4-й армии. Особая армия генерала В.И. Гурко 10 (23) сентября в составе 1-го, 25-го, 26-го, 34-го армейских и 1-го Туркестанского корпусов была передана в состав Юго-Западного фронта. На генерала В.И. Гурко командующим фронтом генералом А.А. Брусиловым было возложено нанесение главного удара на Ковель, несмотря на рекомендации Ставки, предлагавшей выбрать направлением главного удара Трансильванию. Гурко были переданы правофланговые 39-й и 40-й армейские корпуса из 8-й армии и 4-й Сибирский армейский корпус из резерва фронта. Намеченное на 17 (30) сентября русское наступление было сорвано ударом германской группы генерала Г. фон Марвица, нанесшего поражение 4-му Сибирскому армейскому корпусу под Синюхами (корпус потерял около 6 тыс. человек, в том числе 3 тыс. пленными). Особая армия вместе с 8-й армией 19 сентября (2 октября) вступили в бои с противником, получившие название «5-е Ковельское сражение». Гурко продолжал ожесточенные атаки до 22 сентября (5 октября), когда из-за нехватки артиллерийских снарядов операция была остановлена. После этого 8-я армия была переброшена в Лесистые Карпаты, а ее части вошли в состав Особой армии генерала Гурко, численность которой достигла 12 армейских и 2 кавалерийских корпусов. Считая, что управление таким большим количеством войск затруднительно, Гурко разделил армию на северную и южную группы. В последних числах сентября он провел трехдневное 6-е Ковельское сражение, в котором успеха русские войска вновь не добились, понеся неоправданно большие потери.

Необходимо отметить, что после того как император Николай II возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего, положение на фронте стабилизировалось. Наместились позитивные сдвиги в военных поставках на фронт оружия, боеприпасов и т. п. Наладилась деловая атмосфера в Ставке в Могилеве. Протопресвитер русской армии и флота Г.И. Шавельский об этом писал в воспоминаниях:

«С переездом Государя очень изменились и лицо Ставки, и строй ее жизни. Из великокняжеской Ставка превратилась в царскую. Явилось много новых людей, ибо Государь приехал с большой свитой. Лица, составлявшие свиту Государя в Ставке, делились на две категории: одни всегда находились при Государе, другие периодически появлялись в Ставке. К первой категории принадлежали: адмирал Нилон; свиты его величества генерал-майоры: В.И. Воейков, князь В.А. Долгоруков, гр. А.Н. Граббе, флигель-адъютанты, полковники: Дрентельн и Нарышкин, лейб-хирург С.П. Федоров. Министр двора, гр. Фредерикс жил то в Петрограде, то в Ставке. Флигель-адъютанты: полковники, гр. Шереметьев и Мордвинов, капитаны 1-го ранга Н.П. Саблин и Ден чередовались службой. Несколько раз дежурили в Ставке флигель-адъютанты: полковники Свечин и Силаев, а также князь Игорь Константи-

нович. Осенью 1916 года некоторое время дежурил великий князь Дмитрий Павлович. Раза два на неопределенное время появлялся в Ставке обер-гофмаршал гр. Бенкендорф.

Из великих князей в Ставке находились: Сергей Михайлович, бывший начальник артиллерийского управления, Георгий Михайлович, состоявший в распоряжении Государя. Особый поезд на вокзале занимал Борис Владимирович, Наказной атаман всех казачьих войск. Часто появлялся в Ставке Александр Михайлович, заведовавший авиационным делом; реже Верховный начальник Санитарной части принц А.П. Ольденбургский. Не знаю, в качестве какого чина, но почти всегда находился в Ставке Кирилл Владимирович (летом 1916 года генерал Алексеев как-то жаловался мне: «Горе мне с этими великими князьями. Вот сидит у нас атаман казачьих войск великий князь Борис Владимирович, – потребовал себе особый поезд для разъездов. Государь приказал дать. У нас каждый вагон на счету, линии все перегружены, движение каждого нового поезда уже затрудняет движение... А он себе разъезжает по фронту. И пусть бы за делом. А то какой толк от его разъездов? Только беспокоит войска. Но что же вы думаете? Мамаша великого князя Мария Павловна, – теперь требует от Государя особого поезда и для Кирилла... Основание-то какое: младший брат имеет особый поезд, а старший не имеет... И Государь пообещал. Но тут я уже решительно воспротивился. С трудом удалось убедить Государя»), а в ноябре 1916 г. появился и Павел Александрович. Великий князь Михаил Александрович все время находился на фронте»^[49].

Тем временем политическая оппозиция пыталась осуществлять прессинг на царское правительство и втягивала все большее число военных в свою сферу, чтобы повлиять на положение дел в борьбе за власть и усилить свое воздействие. Императрица Александра Федоровна в письме к Николаю II от 20 сентября 1916 г. с тревогой указывала на это явление: «...Пожалуйста, душа моя, не давай доброму Алексею начать играть роль с Гучковым. Родзянко и тот теперь образуют одно и стараются обойти Алексева, притворяясь, будто никто, кроме них, не может работать. Он должен заниматься исключительно войною, – остальные отвечают за то, что происходит в тылу...»^[50]

На следующий день, т. е. 21 сентября 1916 г., еще одно письмо с ее предостережением: «...Нужно вырвать Алексева у Гучкова с его скверным влиянием... Родзянко, Гучков, Поливанов и компания интригуют гораздо больше, чем это наружу видно (я чувствую), для того, чтобы вырвать разные вопросы из рук министров»^[51].

О «подрывной деятельности» А.И. Гучкова знали силовые органы царского правительства. Так, например, жандармский генерал А.И. Спиридович характеризовал ситуацию следующим образом:

«В борьбе с правительством весомую роль сыграл Гучков, который вел опасную, конспиративную работу по организации заговора против Государя среди высшего состава армии. В этом деле ему помогал Терещенко. Он с Коноваловым прикрывал революционную работу рабочей группы Военно-промышленного комитета. Рабочие не верили, конечно, ни Гучкову, ни Коновалову, но, признавая их пользу в подготовке революции, шли с ними рука об руку. В данный момент Гучков широко распространял свое письмо к генералу Алексеву, в котором он выступал против отдельных членов правительства. В нем он распространял такие тайны правительства военного времени, за оглашение которых любой военный следователь мог привлечь его к ответственности за государственную измену. И только за распространение этого письма он, Гучков, мог бы быть повешен по всем статьям закона куда более заслуженно, чем подведенный им под виселицу несчастный Мясоедов.

Штюрмер доложил Государю о происках Гучкова и о письме Гучкова к Алексеву.

Государь допросил Алексева. Тот ответил, что он не переписывается с Гучковым. Этим дело и закончилось. Слабость правительства и генерал Алексеев спасли тогда Гучкова. Верил ли Государь в его революционную деятельность – трудно сказать. Но царица

правильно оценила весь приносимый им вред и правильно считала, что его надо арестовать и привлечь к ответственности»^[52].

Со своей стороны заметим, что письмо Гучкова к генералу Алексееву от 15 августа 1916 г. было впервые опубликовано в советские времена. Оно содержало ряд секретных сведений о поставках вооружений и т. п. Вместе с тем в нем Гучков резко критиковал царское правительство: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт, и вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. ...Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны. Надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик»^[53].

Об имеющихся связях между А.И. Гучковым и генералом М.В. Алексеевым имеются сведения в дневниках и воспоминаниях М.К. Лемке. Так, например, в записи от 12 февраля 1916 г. он указывал: «По некоторым обмолвкам Пустовойтенко мне начинает казаться, что между Гучковым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд Михаил Савич³, а также еще кое-кто»^[54].

Генерал А.И. Деникин определенно утверждал, что борьба «Прогрессивного блока» с царским правительством находила, «несомненно, сочувствие у Алексеева и командного состава». Речи В.В. Шульгина и П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Государственной Думе, свидетельствовал он, «читались и резко обсуждались в офицерских собраниях». Один «видный социалист и деятель городского союза» говорил генералу Деникину, что, побывав впервые в армии в 1916 г., он был поражен, «с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной грязи»^[55].

Как свидетельствовал тот же М.К. Лемке, в позиции М.В. Алексеева отражался необъяснимый паралич воли, поразительный разрыв между пониманием и действием, неспособность взять на себя подлинную ответственность за государственные дела. Так, в беседе Лемке с Алексеевым и Пустовойтенко еще в марте 1916 г. последние, излагая свою точку зрения на положение вещей и их дальнейший ход, говорили, по сути дела, лишь о покорности судьбе. «Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением», говорил Алексеев, но все же «я вот счастлив, что верю, глубоко верю в Бога... Страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой Божьей помощи...»

«Армия наша, – продолжал он развивать свою мысль, – наша фотография... С такой армией в ее целом можно только погибать... Россия кончит крахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы... пойдем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками». На вопрос Лемке, не принять ли теперь в ожидании такой перспективы меры к спасению того, что можно спасти, «к меньшему краху», последовал ответ: «Мы бессильны... никакими мерами этого нам не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда все начнет валиться»^[56].

Таким настроениям в немалой степени способствовали поджигательские речи, звучащие с трибуны Государственной Думы. Атака велась систематически и продуманно, под флагом критики и строгой законности, и лидеры оппозиции твердили, что они все делают для

³ Имеется в виду Пустовойтенко.

пользы России, для освобождения народа от ига «темных сил», и что поэтому они не против царя как такового; что они настоящие «монархисты» и являются не «оппозицией Его Величеству», а «оппозицией Его Величества»...

Другими словами, что они против окружающих царя неверных слуг, для пользы же самого царя.

В то же время, 1 ноября 1916 г. лидер «Прогрессивного блока» П.Н. Милюков произносит в Государственной Думе речь, в которой прозрачно обвиняет царицу в измене. Впоследствии многие называли эту речь штурмовым сигналом революции!

Опытной рукой направляются слухи о дворцовом перевороте, о предстоящей неизбежной революции, о попытках царского правительства подготовки сепаратного мира с немцами и т. п.

Ползет клевета. Царь женат на немке, которой Германия конечно ближе, чем Россия! Царица – изменница России!

А за первой клеветой другая.

Царица неверная царю жена! Наследник? Да разве вы не знаете, что он не сын царя Николая? Наследник ведь сын генерала Орлова. А о Гришке Распутине слышали?

Под видом вседозволенной критики «святого старца» на страницах газет на самом деле чернили царскую семью и метили в основы государственного строя. Так велась кампания по подготовке общественного мнения для предстоящих переворотов в стране и царском дворце.

Член Государственной Думы, монархист В.В. Шульгин признавал: «Раздражение России... действительно удалось направить в отдушину, именуемую Государственной Думой. Удалось перевести накипевшую революционную энергию слова в пламенные речи и в искусные звонко звенящие “переходы к очередным делам”. Удалось подменить “революцию”, т. е. кровь и разрушение – “резолуцией”, т. е. словесным выговором правительству. Но... в минуту сомнений мне иногда начинает казаться, что из пожарных, задавшихся целью потушить революцию, мы невольно становились ее поджигателями».

Всякое слово обличения царского правительства и «темных сил» в такой обстановке моментально подхватывалось многоголым эхом оппозиции, а всякое слово увещания правительства все больше глохло, как «глас вопиющего в пустыне». Император Николай II понимал, что в таких условиях каждая уступка правительства побуждает оппозицию к выставлению все новых и новых требований.

Стоит отметить, что в ноябре 1916 г., сразу же после знаменитой и скандальной речи Милюкова в Государственной Думе, императору Николаю II монархистами предлагался план разгрома оппозиции. Позднее этот документ оказался в следственных материалах дела-производства по «темным силам» в составе Чрезвычайной Следственной Комиссии (ЧСК) Временного правительства. В документе под заголовком «Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным» говорилось:

«В настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная Дума, при поддержке так называемых общественных организаций, вступила на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же готовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа...»

Далее предлагалась конкретная программа действий, состоящая из 9 пунктов. Отметим лишь некоторые из них:

«I. Назначить на высшие государственные посты министров, главноуправляющих и на высшие командные тыловые должности по военному ведомству (начальников округов, военных генерал-губернаторов) лиц, не только известных своей издавна засвидетельство-

ванной и ничем не поколебленной и не заподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом. ...

II. Государственная Дума должна быть немедленно Манифестом Государя Императора распущена без указания срока нового ее созыва.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то осадное), со всеми его последствиями. ...»

Это были предложения крайних правых, на которые император не пошел, т. к. стремился удержать ситуацию в равновесии, без резких шараханий из крайности в крайность.

Определенные круги оппозиции отдавали себе отчет, что с Николаем II договориться трудно, а с императрицей Александрой Федоровной просто невозможно, поэтому необходим переворот с выдвижением на трон более покладистого монарха. Конечно без помощи военных в таком деле не обойтись, кроме того, необходима была поддержка дипломатов. Если в армии существовала определенная оппозиция влиянию царицы на государственные и военные дела, то дипломатов Антанты стали запугивать перспективой заключения «распутинской кликой» сепаратного мира. Утверждалось даже, что экономический кризис в стране царское правительство создает искусственно, чтобы иметь повод вскоре предательски завершить войну за спиной союзников.

Такая тактика приносила определенный успех «Прогрессивному блоку». Это подтверждает, например, дневниковая запись французского посла в России Мориса Палеолога от 10 декабря (по новому стилю) 1916 г.: «Что политику России делает камарилья императрицы, факт несомненный. Но кто руководит самой этой камарильей? От кого получает она программу и направление?»^[57]

Сложившуюся обстановку в стране ярко характеризовал в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович, который писал следующее:

«С наступлением лета 1916 года бодрый дух, царивший на нашем теперь хорошо снабженном всем необходимым фронте, был разительным контрастом с настроениями тыла. Армия мечтала о победе над врагом и усматривала осуществление своих стремлений в молниеносном наступлении генерала Брусилова. Политиканы же мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск. Мне приходилось по моей должности сравнительно часто бывать в Петербурге, и я каждый раз возвращался на фронт с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом.

«Правда ли, что царь запил?»

«А вы слышали, что Государя пользуется какой-то бурят, и он прописал ему монгольское лекарство, которое разрушает мозг?»

«Известно ли вам, что Штюмер, которого поставили во главе нашего правительства, регулярно общается с германскими агентами в Стокгольме?»

«А вам рассказывали о последней выходке Распутина?»

И никогда ни одного вопроса об армии! И ни слова радости о победе Брусилова! Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их распускают высшие придворные чины.

Можно было с уверенностью сказать, что в нашем тылу произойдет восстание именно в тот момент, когда армия будет готова нанести врагу решительный удар. Я испытывал страшное раздражение. Я горел желанием отправиться в Ставку и заставить Ники тем или иным способом встряхнуться. Если Государь сам не мог восстановить порядка в тылу, он должен поручить это какому-нибудь надежному человеку с диктаторскими полномочиями. И я ездил в Ставку. Был там даже пять раз. И с каждым разом Ники казался мне все более

и более озабоченным и все меньше и меньше слушал моих советов, да и вообще чьих бы то ни было»^[58].

На императора пытались оказать влияние ближайшие родственники. Многие великие князья помнили завет императора Александра II: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу». В ноябре 1916 г. к Николаю II обращается с письмом великий князь Николай Михайлович, требуя проведения реформ и уступок оппозиции. Предварительно содержание его он демонстрировал многим знакомым и родственникам. В частности, в письме он указывал императору:

«Ты часто выражал волю вести войну до победы. Но неужели же ты думаешь, что эта победа возможна при настоящем положении вещей?

Знаешь ли ты внутреннее положение империи? Говорят ли тебе правду? Открыли ли тебе, где находится корень зла?

Ты часто говорил мне, что тебя обманывают, что ты веришь лишь чувствам своей супруги. А между тем слова, которые она произносит, – результат ловких махинаций и не представляют истины. Если ты бессилён освободить её от этих влияний, будь, по крайней мере, беспрерывно настороже против интриганов, пользующихся ею как орудием.

Удали эти темные силы, и доверие твоего народа к тебе, уже наполовину утраченное, тотчас снова вернется.

Я долго не решался сказать тебе правду, но я на это решился с одобрения твоей матери и твоих двух сестер. Ты находишься накануне новых волнений. Я скажу больше: накануне покушения. Я говорю все это для спасения твоей жизни, твоего трона и твоей родины»^[59].

Послание осталось без ответа.

Среди некоторой части приближенных Николая II преобладали фатализм и вера в судьбу, а поэтому и пассивное отношение к событиям. «Морской волк», преданный друг Николая II адмирал К.Д. Нилев в присущей ему простоватой манере твердил: «Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре – это все равно». Адмирал оказался провидцем.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал М.В. Алексеев все чаще болел, ему необходим был курс лечения и отдых от напряженной работы. В своем письме Николай II из Ставки 7 ноября 1916 г. сообщал супруге:

«Вчера я принял Сиротинина, и он доложил мне, что, по его мнению, необходимо сделать с Алексеевым. Ему нужен отдых в Крыму в течение 6–8 недель. Они надеются, что этого будет достаточно, чтоб поправился и набрался сил. Сегодня утром я сказал это Алексееву, и он, конечно, подчиняется их предписанию.

В качестве своего заместителя на это время он усиленно рекомендует Гурко. Я тоже думал о нем и поэтому согласился на этот выбор. Я недавно видел Гурко, все хорошего мнения о нем, и в это время года он свободно может уехать из своей армии на несколько месяцев»^[60].

В ответном письме императрица Александра Федоровна от 8 ноября 1916 г. писала:

«Это вполне правильно, что Алексеева отправляют для длительного отдыха в Крым, это крайне необходимо для него, – там тихо, воздух и настоящий покой.

Я надеюсь, что Гурко окажется подходящим человеком, – лично не могу судить о нем, так как не помню, чтоб когда-либо говорила с ним, – ум у него есть, только дай ему Бог души. Рада буду его повидать теперь, по приезде»^[61].

Справедливости ради стоит отметить, что новое назначение генерала В.И. Гурко было воспринято среди высших военных начальников далеко не однозначно. Так, например, контр-адмирал А.Д. Бубнов, выполнявший в тот период должность помощника начальника Морского управления при Ставке и примыкавший к либеральному лагерю, указывал в своих воспоминаниях:

«Генералу Алексееву был предписан врачами продолжительный отдых на юге. По его совету для временного исполнения обязанностей начальника штаба Верховного главнокомандующего Государь призвал генерала В.И. Гурко.

Служебное положение, которое занимал генерал Гурко, не предназначало его для занятия столь высокого поста, ибо он был младше всех главнокомандующих фронтами и многих командующих армиями. Но о нем было известно, что он очень решителен, тверд характером и либерально настроен. Видимо, именно эти его свойства заставили остановить на нем выбор генерала Алексеева, потерявшего надежду сломить упорство Государя.

О чем они говорили с глазу на глаз при передаче должности, останется навсегда тайной, которую оба они унесли с собой в могилу. Но факт тот, что с его назначением распространились слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет против него какие-то решительные меры.

Однако проходили дни за днями, во время которых борьба престола с общественностью все более и более ожесточалась, и чувствовалось, что приближается развязка, а никакого влияния генерала Гурко на ход событий не было заметно, так что вернувшийся через полтора месяца⁴ к своим обязанностям генерал Алексеев застал все еще в худшем положении.

Были ли тому причиной справедливые опасения генерала Гурко, что какое бы то ни было насильственное действие над личностью царя даст последний толчок назревшему уже до крайней степени революционному настроению, или его в последнюю минуту остановило не изжитое еще традиционное верноподданническое чувство; или, наконец, быть может, слухи об его намерениях были плодом вымысла приведенных в отчаяние и опасющихся за судьбу своей родины людей – трудно сказать. Но, во всяком случае, надежды, возлагавшиеся на него в Ставке, ни в малейшей степени не оправдались»^[62].

По свидетельству последнего дворцового коменданта В.Н. Воейкова, принадлежавшего к правому лагерю монархистов и находившегося в это время в Ставке при императоре: «Еще не вступая в исполнение своих обязанностей, генерал Гурко по дороге в Могилев, как говорит генерал Брусилов, жаловался на создавшиеся в Ставке осложнения из-за сплетения военных вопросов с вопросами придворной жизни и внутренней политики»^[63].

Подтверждает этот факт и сам генерал А.А. Брусилов в своих воспоминаниях, но с несколько другим, т. е. в свою пользу толкованием: «Между тем Алексеев заболел и уехал лечиться в Крым, а на его место был вызван Государем для временного исполнения должности наштаверха командующий особой армией ген. Гурко, который по дороге заехал ко мне. Он был очень озабочен своим новым назначением, хотя и временным, и говорил, что его очень затрудняет не военное дело, ему отлично известное, а придворная жизнь со всевозможными осложнениями того времени и необходимость для успеха войны касаться также внутренней политики и личных сношений с министрами, которые менялись тогда молниеносно. Что мог я ему на это ответить? Я ведь вполне разделял его мнение о трудности его положения вследствие нашей никуда не годной внутренней политики и мог только посоветовать ему, поскольку его сил хватит, бороться с влиянием Царского Села. Вместе с тем я убедительно просил его настоять на том, чтобы возможно более упорядочить довольствие войск, так как к этому времени подвоз продовольствия, обмундирования и снаряжения начал все более и более хромать; я же знал, что от армии можно потребовать всего, что угодно, и что она свой долг охотно выполнит, но при условии, что она хорошо, по времени года, одета и сыта. На этом мы временно и расстались»^[64].

Генерал В.И. Гурко с 10 ноября 1916 г. по 17 февраля 1917 г. во время болезни и отпуска генерала М.В. Алексеева исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокоман-

⁴ Указано автором ошибочно. Правильно: более трех месяцев.

дующего, номинально оставаясь во главе Особой армии (замещал Гурко на посту командующего армией генерал П.С. Балувев). В дневнике императора Николая II от 10 ноября 1916 г. имеется следующая запись: «В 4 ч. принял ген. Рузского. В 6 ч. поехал с Алексеем (имеется в виду цесаревич. – В.Х.) в кинематограф. Перед обедом принял ген. Гурко, кот. будет исполнять врем. должность начальника штаба, пока Алексеев пробудет в отпуску. Вечером принял Григоровича»^[65]. На следующий день еще одна запись: «Сегодня принял первый доклад Гурко и долго с ним потом разговаривал»^[66].

За политическими событиями в России пристально и настороженно следили многие иностранные дипломаты. Так, например, французский посол в Петрограде Морис Палеолог в своем дневнике за 11/24 ноября 1916 г. с нескрываемой тревогой записал: «Отставка Штюмерера официально объявлена сегодня утром. Трепов заменяет его на посту председателя Совета министров; новый министр иностранных дел еще не назначен. С точки зрения военной, которая должна преобладать над всякими другими соображениями, назначение Трепова доставляет мне большое облегчение. Во-первых, заслуга Трепова в том, что он не терпит Германии. Его пребывание во главе правительства, значит, гарантирует нам, что союз будет лояльно соблюдаться, и что германские интриги не будут больше так свободно развиваться. Кроме того, он – человек энергичный, умный и методичный; его влияние на различные ведомства может быть только превосходным.

Другая новость: генерал Алексеев получил отпуск. Временно исполнять его обязанности будет генерал Василий Гурко, сын фельдмаршала, бывшего героя перехода через Балканы.

Отставка генерала Алексеева мотивирована состоянием его здоровья. Правда, генерал страдает внутренней болезнью, которая заставит его в ближайшем будущем подвергнуться операции; но есть, кроме того, и политический мотив: император решил, что его начальник главного штаба слишком открыто выступал против Штюмерера и Протопопова.

Вернется ли генерал Алексеев в Ставку? Не знаю. Если его уход является окончательным, я охотно примирюсь с этим. Правда, он всем внушает уважение своим патриотизмом, своей энергией, своей щепетильной честностью, своей редкой работоспособностью. К несчастью, ему не доставало других, не менее необходимых качеств: я имею в виду широту взгляда, более высокое понимание значения союза, полное и синтетическое представление о всех театрах военных операций. Он замкнулся исключительно в функции начальника Генерального штаба высшего командования русских войск. По правде сказать, миссию, высокую важность которой недостаточно понял генерал Алексеев, должен был бы взять на себя император; но император понимал это еще меньше, в особенности с того дня, как единственным истолкователем союза при нем сделался Штюмерер.

Генерал Гурко, заменивший ген. Алексеева, – деятельный, блестящий, гибкий ум; но он, говорят, легкомыслен и лишен авторитета»^[67].

Основания у дипломатов стран Антанты к опасению за благополучие положения на русском фронте были. Положение внутри Российской империи было неблагоприятным. Политическая атмосфера борьбы за власть все более накалялась. Так, например, генерал-майор Свиты императора Д.Н. Дубенский в дневниковых записях конца 1916 года отмечал:

«В конце ноября, по служебным делам, мне пришлось приехать из Ставки в Петроград. Государь оставался в Могилеве, и отъезд Его Величества в Царское Село предполагался в половине декабря.

Столица поразила меня после тихой, спокойной, деловой и серьезной жизни в Ставке. – Там и Государь, и Штаб, и все учреждения с утра до вечера работали и были заняты серьезными, неотложными делами, вызываемыми громадной войной. Почти все были чужды других интересов. Те слухи, которые доходили из столицы до Могилева, мало сравнительно

интересовали занятых людей, и только та или другая бойкая газетная статья, речь Пуришкевича в Государственной Думе, какая-либо особо злобная и крупная сплетня о Царском Селе или о Распутине заставляли толковать о Петроградских вестях более напряженно.

Здесь в Петрограде – наоборот, весь город жил не столько серьезной политикой, сколько пустыми слухами и пошлыми сплетнями. Появилась положительно мода ругать в обществе Правительство и напряженно порицать Царское Село, передавая ряд заведомо лживых и несообразных известий о Государе и его семье. Газеты самые спокойные и более, так сказать, правые, подобно «Новому Времени», все-таки ежедневно стремились указывать на ту или иную, по их мнению, ошибку Правительства. Государственная Дума, руководимая прогрессивным блоком, с августа 1916 года, определенно вела открытую борьбу с Правительством, требуя, как наименьшего, ответственного Министерства.

Бывало, вернешься домой, повидашь гвардейских офицеров, близких знакомых, разных общественных деятелей и лиц служебного мира, поговоришь с ними и невольно поразишься всем тем, что услышишь.

Точно какой-то шквал враждебной Правительству агитации охватил наш Петроград, и, как это ни странно, в особенности старались принять в ней участие наш высший круг и нередко и сами правящие сферы. Все вдруг стали знатоками высшей политики, все познали в себе способности давать указания, как вести Великую Империю в период величайшей войны. Почти никто не упоминал о трудах Государя, о стремлении его помочь народу вести борьбу с врагом успешно. Наоборот, все говорили о безответственном влиянии темных сил при Дворе, о Распутине, Вырубовой, Протопопове, о сношениях Царского Села даже с Германской Императорской Фамилией. Лично я стоял далеко от всего этого шума столичной жизни, так как, находясь в Ставке при Его Величестве, мало бывал в Петрограде во время войны.

После Нового Года, на короткое время, я уехал в Москву. Там в Первопрестольной шли те же совершенно разговоры, как и в Петрограде.

Торгово-промышленный класс, имевший огромное влияние и значение в Первопрестольной, руководил общественным мнением. Фабриканты, заводчики, получая небывалые прибыли на свои предприятия во время войны, стремились играть и политическую роль в государстве. Их выражение – «промышленность теперь все» – не сходило с языков. Московская пресса – «Русское Слово» (Сытина) и «Утро России» (Рябушинских) – бойко вели агитацию против Правительства и Царского Села»^[68].

Одновременно с назначением на должность генерала В.И. Гурко произошло назначение и нового председателя Совета министров Александра Федоровича Трепова. Глава правительства с первых своих шагов попытался заручиться поддержкой Гурко, о чем можно судить по свидетельству воспоминаний А.А. Мосолова: «Трепов назначен был председателем Совета министров... Я зашел к Александру Федоровичу за день до его поездки в Ставку с докладом Государю. Доклад этот, сказал он мне, для него решающий, так как он везет четыре указа об отставке министров. Если Государь все подпишет, ему, Трепову, удастся составить министерство, подающее надежды. Если нет, ему придется уйти, так как он считает, что положение безвыходное. Трепов меня расспрашивал о том, как двор принял его назначение. Я ему сказал, что знал, и, между прочим, заговорил о Распутине: с ним нужно считаться. Он согласился, но сказал, что не может с ним ни в коем случае иметь общение, как бы обстоятельства ни повернулись».

Мы сговорились, что я его встречу на вокзале при его возвращении в Петербург и что, едуци домой, он мне расскажет, как прошел доклад (потому что его будут ждать несколько министров и другие лица).

Я встретил Трепова. В карете он мне сказал, что кончилось почти благополучно. Указы об отставке трех министров у него в портфеле, четвертый подписан, но остался у Государя,

и это – указ о Протопопове. В последнюю минуту доклада царь оставил его у себя в столе, сказав:

– Оставьте его мне. Я вам его пришлю еще сегодня вечером или завтра утром.

Подъезжая к дому, Трепов просил меня приехать к нему на следующий день в 8 часов утра, так как с 9 часов начнутся у него приемы. До того времени он надеялся получить телеграмму о том, послал ли ему вечером Государь отставку Протопопова; если нет, то, по его и моему мнению, было мало шансов, чтобы он ее получил.

В 8 утра я застал Трепова в кабинете, в здании Министерства путей сообщения. Телеграммы не было. Телеграмму эту А.Ф. ожидал, как впоследствии я узнал от В.И. Гурко, бывшего тогда начальником штаба Верховного главнокомандующего. Гурко мне так рассказывал эпизод:

– За высочайшим завтраком я виделся с Александром Федоровичем, приехавшим с первым докладом к Государю. Затем, после доклада, он зашел ко мне уговориться, может ли он в случае надобности переговорить со мной из Петербурга по телефону для доклада спешных вопросов Государю, и вместе с тем пояснил, как для составления кабинета ему важно получить указ об отставке Протопопова. Этот указ уже подписан, почему он меня просит об этом после обеда доложить Государю, поскольку ему важно иметь ответ к утру.

После обеда Гурко докладывал императору, и тот ответил ему, что, вероятно, на следующее утро отправит указ. На следующее утро царь дал уклончивый ответ. Поэтому Гурко и не послал Трепову телеграмму.

Трепов объяснил мне свой проект распределения министерских портфелей и свое затруднение от незнания, принята ли отставка Протопопова. Он предполагал, в крайнем случае, назначить Протопопова министром торговли, а Шаховского – внутренних дел, имея в виду потом сделать еще новое перемещение, но лишь бы не оставлять первому портфеля внутренних дел.

А.Ф. Трепов при наличии четырех свободных министерских портфелей надеялся дать их лицам, пользующимся доверием общественности и Думы. Доколе Протопопов оставался министром внутренних дел, этих лиц привлечь было невозможно. К сожалению, память мне изменяет, и я не могу перечислить этих лиц. Но помню, что кабинет этого состава неминуемо бы произвел успокаивающее на общественность впечатление»^[69].

Еще более «потаенные пружины» закулисной борьбы с А.Д. Протопоповым и попытки ограничить влияние императрицы Александры Федоровны на государственные дела вскрывают воспоминания жандармского генерала А.И. Спиридовича, который писал по этому поводу: «Польщенный высоким назначением, Трепов высказал императору откровенно свое мнение о текущем политическом моменте и просил снять Протопопова с поста министра внутренних дел. Государь согласился. Согласился он и на смещение еще двух министров, которые были непопулярны, потому как являлись поклонниками Распутина. В тот же день Штюмер и Трепов выехали в Петроград, а Государь на следующий день послал царице обычное письмо, в котором сообщал о намеченном уходе Протопопова. Государь писал, между прочим: “Мне жаль Протопопова. Он хороший, честный человек, но у него нет твердой позиции, одного определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни (когда обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека Министерство внутренних дел, да еще в такие времена. Только прошу тебя, не вмешивай в это нашего Друга⁵. Ответственность несу я и поэтому хочу быть свободным в своем выборе”.

Трепов, которого Государь назначил на должность премьера, был старым, убежденным бюрократом с большим жизненным и административным опытом, умным, ловким и

⁵ Имеется в виду Г.Е. Распутин.

энергичным человеком, понимающим необходимость совместной работы с Государственной Думой. Предлагая Государю уволить некоторых министров, он намеревался сформировать такой кабинет, который бы устраивал Думу. Но он не мог предложить Государю подходящего министра внутренних дел. Только он сам подходил тогда на эту должность. Не мог не помнить Трепов и того, что фамилию его семьи общественность связывала с правыми взглядами. Еще недавно имя Трепова было для левых крайне ненавистным.

10-го числа Штюмер и Трепов вернулись в Петроград и были приняты императрицей. Хитрый Штюмер воздержался говорить царице о предстоящих больших переменах. Трепов был откровеннее. В Петрограде оппозиция уже трубила победу над Протопоповым. Бадмаев и сотоварищи нажали на Распутина, на Вырубову. Царица, получив 11-го числа письмо от Государя, была поражена. В проекте Трепова, которого она вообще не любила и считала, что он дружит с Родзянко, она увидела интригу, направленную главным образом против ее влияния. И царица употребила все свое влияние, чтобы помешать плану Трепова, чтобы спасти прежде всего, Протопопова»^[70].

В одном из писем императрицы Александры Федоровны к супругу в Ставку от 14 декабря 1916 г. мы читаем: «Трепов ведет себя теперь, как изменник, и лукав, как кошка, – не верь ему, он сговаривается во всем с Родзянко, это слишком хорошо известно»^[71]. Дни А.Ф. Трепова как премьер-министра были сочтены. Так был упущен еще один шанс добиться приемлемого компромисса и выйти из политического кризиса.

Со своей стороны отметим, что появление Протопопова на политической сцене было проявлением не столько «темных сил», сколько порождением самой думской оппозиции, что и вызывало столь ожесточенную борьбу «Прогрессивного блока» за его смещение.

«Маленький Протопопов – большое недоразумение»^[72], – бросил в конце 1916 г. крылатую фразу А.И. Гучков. Но при этом «забыл», что в интервью с журналистами по поводу назначения Протопопова сам заявил: «У Протопопова хорошее общественное и политическое прошлое. Оно целая программа, которая обязывает»^[73]. Сказано достаточно определенно. Подлинная суть «большого недоразумения» с Протопоповым состояла в том, что породила Протопопова Дума, та партия, которую возглавлял Гучков. По выражению русского историка А.Я. Авреха: «Унтер-офицерская вдова сама себя высекала – вот глубинная причина ненависти Думы и “общественности” к своему недавнему соратнику»^[74].

Протопопов удержался в правительстве, но Трепов пробыл на посту премьер-министра ровно пять недель – с 19 ноября по 27 декабря 1916 г.

Генерал В.И. Гурко также ощущал себя «калифом на час». В самом деле, его положение на новой высокой должности было своеобразно и, очевидно, обязывало принимать решения с некоторой оглядкой, чтобы не повредить своей карьере. Посудите сами, во-первых, он недавно командовал только Особой армией и находился в подчинении командующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова. Таким образом, теперь главнокомандующий фронтом оказался, хотя и временно, но все же в подчинении своего бывшего подчиненного. Во-вторых, Гурко только временно исполнял эту должность, и шансов закрепиться на ней практически не было никаких, а завистников, готовых «подставить выдвигенца или выскочку», добавилось. Каждый командующий фронтом при планировании операций отставлял важность своего направления, но рассчитывать В.И. Гурко на поддержку генерала М.В. Алексева было трудно, хотя последний и пытался регулярно вмешиваться в дела Ставки из Севастополя по телефону.

Генерал А.С. Лукомский, который тоже получил новое назначение в Ставку, делился своими воспоминаниями: «В октябре до нас дошли слухи, что начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал Алексеев, серьезно заболел и временно будет замещен генералом Василием Иосифовичем Гурко.

Во время одной из моих поездок на фронт, если не ошибаюсь, 20 октября / 2 ноября, я получил из Ставки, за подписью генерала Гурко, телеграмму с предложением срочно приехать в Могилев.

На другой же день я выехал из Молодечно.

Приехав в Могилев, прямо с вокзала, в 8 часов утра я поехал в штаб.

Генерал Гурко меня сейчас же принял и предложил мне принять должность генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего.

Я ответил, что мне нужно прежде всего знать, известно ли о том, что мне предлагается эта должность, генералу Алексееву, с которым мне придется, в случае его выздоровления, продолжать совместную службу.

Генерал Гурко мне ответил, что генералу Алексееву это известно и что Государю императору он также докладывал о моем предполагаемом назначении; что Его Величество согласен и что он, генерал Гурко, представит меня Государю в это же утро, перед своим докладом о положении дел на фронте.

Разговаривать больше не приходилось, и я поблагодарил за сделанное мне предложение.

После представления Государю я попросил разрешение у генерала Гурко вернуться в штаб 10-й армии, сдать дела генерал-квартирмейстеру штаба армии и взять свои вещи.

Получив разрешение, я в тот же день выехал в Молодечно; через несколько дней, вернувшись в Могилев, принял должность генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего.

С особым удовольствием вспоминаю совместную службу с генералом Гурко.

Он поразительно быстро схватывал суть дела, давал всегда вполне определенные и ясные указания. При этом он не вмешивался в мелочи и, в пределах поставленной задачи, предоставлял своим ближайшим помощникам вполне самостоятельно вести работу.

Кроме того, он всегда вызывал своих помощников на проявление ими личной инициативы, и если вновь высказываемую мысль или замечание против указания, даваемого генералом Гурко, докладчик умел правильно и обоснованно подтвердить, то он соглашался и никогда не упорствовал на своем первоначальном указании»^[75].

На новом посту Василий Иосифович Гурко проявил властный характер (в отличие от мягкого Алексеева), активно противостоял попыткам союзников ускорить любой ценой русское наступление в 1917 г. Он провел реорганизацию армии, состоявшую в том, что полки 4-батальонного состава сведены в 3-батальонные, а из освободившихся 4 батальонов были сформированы третьи дивизии корпусов. Действующие дивизии также выделяли небольшое количество пулеметов и обоза, артиллерию для них Гурко, очевидно, надеялся получить от союзников. Хотя кризис со снарядами был преодолен, и положение в русской артиллерии к этому времени стало действительно неплохим. К февралю 1917 г. реорганизация была в целом завершена.

Стоит заметить, что в ноябре – декабре 1916 г. тяжелые бои шли только на Румынском фронте на позициях 9-й и 4-й армий. На всем остальном фронте было спокойно. В.И. Гурко при планировании кампании 1917 г. вместе с генералом А.С. Лукомским разработал план, предусматривавший перенос стратегического решения на Румынский фронт и Балканы. Русская армия готовила наступление против Австро-Венгрии в начале 1917 г. с целью нанесения сокрушительного разгрома и выведения из войны. Для этого и требовал дополнительной поставки артиллерии от союзников генерал В.И. Гурко.

По плану генерала Гурко, для усиления мощи удара по австро-венгерским войскам. Ставка Верховного главнокомандования должна была отказаться от масштабных операций на других участках фронта. Генералы Рузский и Эверт категорически высказались против этого плана, и он был поддержан только генералом Брусиловым. Являясь лишь исполняю-

щим обязанности начальника штаба, Гурко не смог настоять на принятии разработанного им плана, и прибывший в Ставку в феврале Алексеев изменил его положения.

Освещая сложившуюся ситуацию, генерал Ю.Н. Данилов позднее делился своими воспоминаниями:

«В ноябре 1916 года в тылу фронта наших западных союзников, в Шантильи, собралась междусоюзническая конференция для обсуждения вопроса о характере военных действий на 1917 год. Принято было решение начать общее наступление на всех союзных фронтах раннею весною, чтобы не выпустить из рук инициативы, и вести его возможно большими силами.

В результате этой общей мысли нашей Ставкой было предложено главнокомандующим армиями разработать их собственные предложения. Предложения эти должны были в течение декабря доложить Государю как Верховному главнокомандующему для постановки им уже окончательного решения. ...

Совещание в Ставке было назначено на 17 декабря, каковому сроку генерал Рузский и я прибыли в Могилев.

Начавшись с утра, оно шло под председательством Государя и в присутствии генерала Гурко, замещавшего больного начальника штаба генерала Алексеева. Однако после перерыва для завтрака в среде совещающихся почувствовалось какое-то замешательство. Стал передаваться шепотом слух о получении из Царского Села какой-то важной телеграммы, требовавшей спешного отъезда Государя из Ставки в столицу. Совещание было скомкано. Оно шло довольно беспорядочно, прерывалось какими-то дополнительными сведениями, получавшимися из Царского Села и оставшимися для нас секретными, и, наконец, в 4 часа пополудни Государь действительно спешно выехал из Могилева.

Стало при этом известно, что в ночь на тот день в Петрограде был убит Распутин и что потрясенная таким событием императрица вызвала к себе императора.

С отъездом председательствовавшего в совещании Государя суждения собравшихся были сведены к менее серьезным текущим вопросам. Генерал Гурко, очевидно, не мог взять на себя самостоятельное решение вопроса о характере будущих действий, и, таким образом, наш съезд закончился без определенных выводов. Мы вернулись домой, смущенные перерывом столь важного совещания из-за гибели Распутина и не ориентированные, в каком направлении вести боевую подготовку армий на 1917 год»^[76].

Однако генерал Ю.Н. Данилов, причастный впоследствии к принудительному отречению Николая II в Пскове, несколько искажил события в своих воспоминаниях, о чем имеется несколько свидетельств участников совещания.

Если кратко констатировать, то 17 и 18 декабря 1916 г. в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве состоялось совещание под председательством Верховного главнокомандующего Николая II. На совещании обсуждались планы кампании на 1917 г. в соответствии с решениями, принятыми во французской Главной квартире в Шантильи 2 ноября 1916 г. Решения совещания сводились к следующему: союзные армии должны были подготовиться к весне 1917 г. совместные и согласованные наступательные операции, которые имели бы целью придать кампании этого года решающий характер. Впредь же в целях воспрепятствования противнику вернуть себе инициативу действий в течение зимы предписывалось продолжать уже начатые наступательные операции в пределах допустимых климатическими условиями отдельных фронтов. Кроме того, к первой половине февраля должны были быть подготовлены совместные наступательные действия силами и средствами союзных армий. В соответствии с этими планами союзников операции на русском фронте летом 1917 г. предполагалось выполнить следующим образом. Главный удар должен наносить Юго-Западный фронт на львовском направлении силами 11-й и 7-й армий с вспомогательными ударами в направлении на Сокаль и Мармарош Сигет; Румынский фронт проводит наступательную

операцию с задачей разгромить находящегося перед ним противника и занять Добруджу. Что же касается Северного и Западного фронтов, то они должны были подготовить вспомогательные удары на участках по выбору самих главнокомандующих. На совещании в Ставке по предложению генерала В.И. Гурко было решено провести крупную реорганизацию в действующей армии: сформировать в каждом армейском корпусе по одной новой дивизии за счет изъятия четвертых батальонов из пехотных полков. Таким образом, в корпусе вместо 32 батальонов (по 16 батальонов в каждой из двух дивизий) иметь 36 батальонов (по 12 батальонов в каждой из трех дивизий). Корпуса сами должны были снабдить новые формирования командным составом и обозами. Вновь сформированным дивизиям артиллерия не придавалась, потому они имели как бы легкий маневренный характер для быстрого сосредоточения на определенном участке с целью развития успеха.

В дневнике самого императора Николая II от 17 декабря 1916 г. имеется краткая запись: «Завтракали все три главнокомандующих... После чая в штабе происходило совещание по военным вопросам до обеда и затем от 9 ч. до 12^{1/2} ч.»^[77]. На следующий день, 18 декабря, новая запись: «После обедни пошел к докладу Лукомского – нового ген. – квартирмейстера, а затем на заседание главнокомандующих. После завтрака оно продолжалось еще полтора часа. В 3^{1/2} поехали вдвоем в поезд. Через час уехали на север. День был солнечный при 17 мороза. В вагоне все время читал»^[78].

Свидетелем отъезда Государя из Могилева в столицу оказался протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский, который позднее писал в воспоминаниях:

«Погода стояла отвратительная: дул пронизывающий холодный ветер, моросил дождь, со снегом. Мы все, чтобы укрыться от стужи, зашли в соседний барак. К нам подошел командир конвоя гр. Граббе.

– Почему такой экстренный отъезд? – спросил я его.

– Не знаю, – ответил он.

– А верно ли, что «старец» убит? – Тот же ответ.

– Да вы не прячьтесь за свое: не знаю! Секрета не выдадим. Да и секрета нет. Если убит, – уже весь Петроград говорит об этом, – настаивал я.

Граббе лукаво улыбался и твердил:

– Не знаю, не знаю.

Отогревшись немного, мы вышли к поезду. В это время Государь, с палкой в руке, возвращался с прогулки. Несмотря на резкий холод, он был в одной гимнастерке. Сопровождавшие его: Воейков, Долгоруков и, кажется, Мордвинов тоже, насколько помню, были в гимнастерках. Лица Свиты даже в костюмах старались подражать Государю. Как раз в этот момент к поезду подъехал ген. Гурко. Он сразу подошел к Государю, и они вдвоем начали прохаживаться вдоль поезда. Как сейчас представляю фигуру Гурко: левую руку он заложил за спину, а правой размахивает, что-то доказывая Государю. Царь держится ровно, часто заглядывает в лицо Гурко. Я продолжаю следить за Государем, пытаюсь разгадать, как он переживает известие. Мои усилия напрасны: ни одно слово, ни одно движение Государя не выдают его беспокойства. Умел он скрывать свои мысли и чувства!

На следующий день я выехал в Петроград»^[79].

Атмосферу этого дня и последующего ближайшего времени весьма подробно описал в своих рукописных воспоминаниях флигель-адъютант императора полковник А.А. Мордвинов:

«В тот день, когда было получено в Ставке известие об убийстве Распутина, оно пришло сразу после нашего завтрака, Государь, видимо, о нем уже знал, мы вышли с Его Величеством на обычную нашу дневную прогулку в окрестностях Могилева. Гуляли мы долго, о многом говорили, но в разговоре Государь ни словом не обмолвился о свершившемся.

Когда мы вернулись через два часа домой, некоторые сотоварищи по свите, бывшие с нами, настойчиво мне указывали: “А ты заметил, как Государь был сегодня особенно в духе? Так оживленно и весело обо всем говорил... Точно был доволен тем, что случилось?” Это же довольное выражение лица у Государя заметил и велик[ий] князь Павел Александрович, приглашенный в тот день к нашему дневному чаю после прогулки.

По правде сказать, ни особенно хорошего расположения духа или какой-либо необычной оживленности я тогда у Государя не заметил, но отчетливо вспоминаю, что в те часы мне действительно не чувствовалось в нем, по крайней мере по внешности, ни сильного волнения, ни тревоги или раздражения. Его тогдашнее настроение только лишний раз подтверждало мое всегдашнее убеждение, что этот человек не играл большой роли в его внутреннем мире. Правда, в тот же вечер мы выехали из Могилева в Царское [Село]. Но этот отъезд был предположен еще заранее, и наше возвращение было ускорено лишь по просьбе императрицы на несколько часов. Флигель-адъютант Саблин, бывший в те дни в Царском Селе и говоривший по поводу событий как с Государем, так и с императрицей, даже уверял, что они оба очень просто отнеслись к убийству Распутина, говорили об этом как об очень печальном факте, но не больше!! Думается, все же по отношению к императрице это свидетельство не совсем точно.

Вспоминается мне с тяжелым чувством затем и один вечер в Александровском дворце, в декабре 1916 года, почти непосредственно следовавший за убийством Распутина и который я провел на своем дежурстве у великих княжон.

Кто помнит те дни, помнит, конечно, и то, каким злорадством было наполнено тогда все окружающее, с какой жадностью, усмешками и поспешностью ловились всевозможные слухи и с каким суетливым любопытством стремились все проникнуть за стены Александровского дворца. Почти подобным же напряженным любопытством было полно настроение многочисленных служащих и разных должностных лиц и в самом дворце. Царская семья это чувствовала, и на виду у других они все были такими же, как всегда. За домашним обедом и Государь, и императрица были только более заняты своими мыслями, выглядели особенно усталыми, да и обыкновенно веселым и оживленным великим княжнам было тоже как-то не по себе. “Пойдемте к нам наверх, Анатолий Александрович, – пригласили они меня сейчас же после обеда, – у нас будет намного теплее и уютнее, чем здесь...”

Там наверху, в одной из их скромных спален, они все четверо забрались на диван и тесно прижались друг к другу. Им было холодно и, видимо, жутко, но имя Распутина и в тот длинный вечер ими не было при мне произнесено. Им было жутко не оттого, что именно этого человека не было больше в живых, а потому, что, вероятно, ими чувствовалось уже тогда то ужасное, незаслуженное, что с этим убийством для их матери, отца и для них самих началось и к ним неудержимо начало приближаться. Я старался, как мог, рассеять их тяжелое настроение, но почти безуспешно. Мне самому, глядя на них, в те часы было не по себе: невольно вспоминалось все то, что я в последние дни слышал, видел, догадывался или воображал. Взбаламученное море всяких политических страстей, наговоров, похвальбы и самых решительных угроз действительно слишком близко подступало к этому цветущему, монастырскому островку.

“Отхлынет! Не посмеет!” – успокаивал я самого себя. Как всегда, я верил в человеческое сердце и как всегда забывал, что у людской толпы такого сердца нет...»^[80]

Следует отметить, что армия все больше втягивалась в политические дела, и некоторые генералы пытались влиять на ход событий. Императрица Александра Федоровна обращала на это внимание Николая II в своем письме еще от 4 декабря 1916 г.: «Не забудь запретить Гурко болтать и вмешиваться в политику. Это погубило Николашу и Алексеева. Последнему Бог послал болезнь, – очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносил вред тем, что слушался дурных писем и людей, вместо того чтобы следовать

твоим указаниям относительно войны, а также и за его упрямство. Его тоже восстановили против меня...»^[81]

Заметим, что столь эмоциональное послание императрицы объяснялось тем, что царская чета была в курсе дел и общих планов политической оппозиции, которая в своей борьбе за власть рассчитывала на поддержку военных. Так, например, позднее в бумагах архива Николая II Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства обнаружила три списка или, вернее, три варианта предполагаемого состава «министерства доверия» (кадетский, октябристский и Государственного Совета), за которое с царем воевал «Прогрессивный блок». По списку «октябристов» на пост председателя Совета министров политической оппозицией предполагалось назначить А.И. Гучкова, на пост министра внутренних дел – князя Г.Е. Львова. По списку Государственного Совета в «министерстве доверия» пост министра внутренних дел должен был занять родной старший брат генерала Василия Гурко правый член Государственного Совета и «Прогрессивного блока» Владимир Иосифович Гурко^[82].

Через десять дней, т. е. 14 декабря 1916 г., еще одно предостерегающее письмо императрицы в Ставку супругу: «...Я бы спокойно и с чистою совестью перед всею Россией отправила бы Львова в Сибирь (это делалось за гораздо меньшие проступки); Милюкова, Гучкова, Поливанова – в Сибирь. Идет война, и в такое время *внутренняя война есть государственная измена*; почему ты на это не так смотришь, я, право, не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мой ум говорят мне, что это было бы спасением России – их грех гораздо хуже, чем все, что только могли сделать Сухомлиновы; запрети Брусилову и т. д., когда они приедут, касаться каких-нибудь политических вопросов»^[83].

Насколько права оказалась императрица, можно судить по высказыванию П.Н. Милюкова в томе первом его книги «История Русской революции», в которой он открыто пишет: «Но была уже ясна вся глубина и серьезность переворота, неизбежность которого сознавалась, как мы видели и ранее, и сознаюсь, что для успеха этого движения Государственная Дума уже много сделала своею деятельностью во время войны и специально со времени образования Прогрессивного блока». В трудах П.Н. Милюкова имеются и более откровенные признания: «Конечно, мы должны признать, что ответственность за совершающееся лежит на нас, то есть на блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали б в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю»^[84].

Близкое мнение с мнением императрицы высказывал в своих мемуарах последний дворцовый комендант В.Н. Воейков: «Еще в декабре 1916 года, когда генерал Гурко временно исполнял обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего, Государь поручил мне переговорить с ним по поводу проявления им во время ежедневных докладов слишком большого интереса к делам внутренним, причем Его Величество добавил, что, по его мнению, делает это Гурко под влиянием Гучкова. Посетив в тот же день генерала Гурко и начав с ним разговор на эту тему, я, к сожалению, довести его до конца не мог, так как после произнесения мною фамилии Гучкова у моего собеседника явилось такое безотлагательное дело, которое ему совершенно не позволило меня дослушать. Явное подтверждение правильности мнения Государя о генерале Гурко как о человеке, попавшем под влияние Гучкова, получилось значительно позже: после революции, при посещении фронта “не торгующим купцом” А.И. Гучковым, находившимся тогда в апогее своей военной славы, произошли на митинге в армии генерала Гурко трогательные излияния чувств взаимной благодарности – генерала Гурко и Гучкова...»^[85]

Великий князь Михаил Александрович был близок к императору, чем пытались воспользоваться не только военные начальники, но и многие политические деятели. Так, например, о попытках такого влияния свидетельствуют воспоминания члена IV Государственной Думы Я.В. Глинки:

«В 5 ч. дня 3 января Родзянко посетил великий князь Михаил Александрович, который спросил Родзянко, как он полагает, будет ли революция, на что он [Родзянко] ответил, что ее не будет, но что положение серьезно и что необходимо принять меры к замене правительства лицами общественного доверия, которые примут на себя эти обязанности, когда будут устранены безответственные влияния. На вопрос, кто же может быть во главе, Родзянко ответил, что указывают на него, Родзянко, и что он не сочтет возможным отказаться, если условия, указанные выше, будут выполнены. Он просил обо всем, возмущающем общество, доложить Государю и просить его, чтобы ему, Родзянко, была, наконец, назначена аудиенция. Великий князь обещал. Между прочим, в разговоре великий князь спросил, чего хотят – ответственного министерства? Родзянко ответил: “Ваше Высочество, конечно, читали резолюции, разве там об этом говорится?” И они оба решили, что там об этом ничего не говорится»^[86].

В самом деле, как мы отмечали выше, сведения о факте встречи с Родзянко мы находим в дневнике Михаила Романова.

Обращает внимание, что М.В. Родзянко в несколько ином, более выгодном для себя свете преподносит свидание с великим князем Михаилом Александровичем в своих поздних мемуарах:

«8 января⁶ ко мне на квартиру неожиданно приехал великий князь Михаил Александрович.

– Мне хотелось бы с вами поговорить о том, что происходит, и посоветоваться, как поступить... Мы отлично понимаем положение, – сказал великий князь.

– Да, Ваше Высочество, положение настолько серьезное, что терять нельзя ни минуты и спасти Россию надо немедленно.

– Вы думаете, что будет революция?

– Пока война, народ создает, что смута – эта гибель армии, но опасность в другом. Правительство и императрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии. Этого нация не снесет, и если бы это подтвердилось, а довольно того, что об этом ходят слухи, – чтобы наступила самая ужасная революция, которая сметет престол, династию, всех вас и нас. Спасти положение и Россию еще есть время, и даже теперь царствование вашего брата может достичь еще небывалой высоты и славы в истории, но для этого надо изменить все направление правительства. Надо назначить министров, которым верит страна, которые бы не оскорбляли народные чувства. К сожалению, я должен вам сказать, что это достижимо только при условии удаления царицы. Она вредно влияет на все назначения, даже в армии. Ее и царя окружают темные, негодные и бездарные лица. Александру Федоровну яростно ненавидят, всюду и во всех кругах требуют ее удаления. Пока она у власти – мы будем идти к гибели.

– Представьте, – сказал Михаил Александрович, – то же самое говорил моему брату Бьюкенен. Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна. Брата и ее окружают только изменники. Все порядочные люди ушли... Но как быть в этом случае?

– Вы, Ваше Высочество, как единственный брат царя, должны сказать ему всю правду, должны указать ему на вредное вмешательство Александры Федоровны, которую в народе считают германофилкой, для которой чужды интересы России.

⁶ Указанная дата встречи с великим князем Михаилом Александровичем может быть неверной, т. к. далее Родзянко упоминает: «7 января я был принят царем». Нет сведений о приеме Родзянко в дневнике императора Николая II за январь 1917 г. Скорее всего описываемое событие встречи с великим князем состоялось 3 января 1917 г.

– Вы считаете, что необходимо ответственное министерство?

– Все просят только твердой власти, и ни в одной резолюции не упоминается об ответственном министерстве. Хотят иметь во главе министерства лицо, облеченное доверием страны. Такое лицо составит кабинет, который будет ответственен перед царем.

– Таким лицом могли бы быть только вы, Михаил Владимирович: вам все доверяют.

– Если бы явилась необходимость во мне, – я готов отдать все свои силы родине, но опять-таки при одном условии: устранении императрицы от всякого вмешательства в дела. Она должна удалиться, так как борьба с ней при несчастном безволии царя совершенно бесплодна. Я еще 23 декабря послал рапорт о приеме и до сих пор не имею ответа. Благодаря влиянию царицы и Протопопова царь не желает моего доклада, и есть основание предполагать, что Дума будет распущена, и будут назначены новые выборы. У меня есть сведения, что под влиянием разрухи тыла начинаются волнения и в армии. Армия теряет спокойствие... Если вся пролитая кровь, все страдания и потери окажутся напрасными, – возмездие будет ужасным.

– Вы, Михаил Владимирович, непременно должны видеть Государя и еще раз сказать ему всю правду.

– Я очень прошу вас убедить вашего державного брата принять меня непременно до Думы. Ради Бога, Ваше Высочество, повлияйте, чтобы Дума была созвана и чтобы Александра Федоровна с присными была удалена.

Беседа эта длилась более часу. Великий князь со всем согласился и обещал помочь»^[87].

Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко пытался в своих политических комбинациях использовать все свое влияние, в том числе симпатии ряда членов императорской фамилии, для достижения поставленной цели. Он афиширует свое могущество и перед своими коллегами по Государственной Думе, о чем делился в своих воспоминаниях Я.В. Глинка:

«4 января (1917 года. – В.Х.). Родзянко мнит себя председателем Совета министров. Он говорит: “Один только я и могу сейчас спасти положение, а без власти этого сделать нельзя, надо идти”. Моих возражений он не слушает, а на мои указания, что только ответственное министерство может вывести из затруднения, машет рукою.

Вечером он призывает меня. Посылается повторный доклад с ходатайством о высочайшей аудиенции. Снова возбуждает разговор о возможном составе кабинета с ним во главе. Он выслушивает спокойно мои горячие возражения. Улыбается особою саркастическою улыбкою, когда я говорю, что его большое имя и авторитет нужны для Думы. Видя его улыбку, я говорю: “Вы правы, быть может, в действительности это и не так, но видимость такова, и ее по текущему времени надо поддерживать”. На эту реплику он мне ответил: “Перед женою и ближайшими сотрудниками человек великим не бывает. Кого же тогда вести [на пост премьера]: князя Львова мне не хочется, насажает кадет, я его не люблю”. – “Почему [нет], когда это будет сделано по соглашению с Вами”[, – возразил я].

Через некоторое время он вынимает из кармана листик с расписанием министров и против председателя Совета министров, где единственно не было заполнено, пишет “кн. Львов”. Далее список содержал следующие имена:

Министр внутренних дел – кн. Куракин

Иностранных дел – Сазонов

Юстиции – Манухин

Финансов – Шингарев

Торговли – Гучков

Военный – Алексеев

Морской – Григорович

Путей сообщения – Герценвиц

Народного просвещения Государственный контролер – Тимашев

Едучи домой, Родзянко мне говорит: “Теоретически Вы правы, и Вы ужасно меня смущаете, так же как и Савич”. – “Я Вас не смущаю и не насилую, я высказываю свой взгляд, который себе усвоил и от которого отступить не могу, я Вас не останавливаю, как Савич, но путь нахожу неверным”.

Про Савича же он высказывается так: “Я очень уважаю этого человека, но я его понять не могу. Он убеждает меня, что все образуется и без нас. Бесталанное командование ни к чему хорошему не приведет, но этим смущаться нечего, ибо за нас все сделают союзники. Во внутренних делах мы также ничего не добьемся, и потому надо сидеть смирно и выжидать событий. Русский народ все переможет, никакой революции не будет, и все образуется”.

В тот же вечер Родзянко был у Гурко – начальника Штаба Верховного главнокомандующего, который инкогнито прибыл в Петроград, он сообщил Родзянке, что уверен, что если Думу распустить, то войска перестанут драться»^[88].

Сохранился еще один очень любопытный документ товарища председателя IV Государственной Думы, кадета и масона Н.В. Некрасова, который он собственноручно написал 2 апреля 1921 г. следователям ВЧК после ареста. В кратком биографическом очерке он показывал чекистам, что перед Февральской революцией «рост революционного движения в стране заставил к концу 1916 г. призадуматься даже таких защитников “гражданского мира”, как Милюков и другие вожди думского блока. Под давлением земских и городских организаций произошел сдвиг влево. Еще недавно мое требование в ЦК к.-д. партии “ориентироваться на революцию” встречалось ироническим смехом, – теперь дело дошло до прямых переговоров земско-городской группы и лидеров думского блока о возможном составе власти “на всякий случай”. Впрочем, представления об этом “случае” не шли дальше дворцового переворота, которым в связи с Распутиным открыто грозили некоторые великие князья и связанные с ними круги. В этом расчете предполагалось, что царем будет провозглашен Алексей, регентом – Михаил, министром-председателем – князь Львов или генерал Алексеев, а министром иностранных дел Милюков. Единодушно сходилось все на том, чтобы устранить Родзянко от всякой активной роли»^[89].

Генерал В.И. Гурко регулярно являлся для доклада Николаю II, когда тот находился в своей резиденции в Царском Селе. В частности, об этом имеются краткие упоминания в дневнике императора от 8 и 9 февраля 1917 г. Всего за январь и первую половину февраля генерал Гурко, судя по записям камер-фурьерских журналов, посетил Александровский дворец по служебным делам семь раз^[90]. Читаем дневниковую запись Николая II от 13 февраля: «Хороший не холодный день. С 10 час. принял: Григоровича, Риттиха и Гурко. Последний меня задержал настолько, что я опоздал вовсе к службе и пошел наверх к Ольге и Алексею. Завтракал Замойский (деж.) по случаю моего Уланского праздника. Принял Абациева – командира 6-го Кавказского армейского корпуса...»^[91] Несколько позднее, уже после Февральской революции сам генерал В.И. Гурко на одном из совещаний военных расскажет о теме разговора, о котором упомянул в дневниковой записи император. Запомним это, т. к. к этому разговору мы еще вернемся.

Относительно посещения генералом В.И. Гурко императора Николая II имеется дневниковая запись гофмейстерины императрицы Александры Федоровны, княгини Е.А. Нарышкиной от 8/21 февраля 1917 г.: «Император принял генерала, приехавшего из армии. Разговор: Какое впечатление на вас произвел Петроград? Много толков, но, к несчастью, среди разговоров много верного. Следовало бы жить в мире с Думой и отставить Протопопова. Император горячо воскликнул: “Никакой возможности жить в мире с Думой, я сам виноват, я их слишком распустил. Мои министры мне не помогали. Протопопов один мне поможет сжать их в кулак (показал сжатый кулак)”. Резко отпустил, не владея собой. Обедала у Бенкендорфов. Из чужих никого. У нас опасения насчет Думы»^[92].

Стоит отметить, что последний протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский так характеризовал по личным наблюдениям в своих эмигрантских воспоминаниях проявление жесткого курса императора и правительства перед крушением самодержавия: «По указанию из Царского, Государь взял твердый курс и теперь, во избежание волнений, попросту отклоняет всякий разговор, могущий так или иначе обеспокоить его. Мера достаточно действительная для многих, кто, служа царю верой и правдой, хотел бы сказать ему горькую, но нужную правду... Какой же смысл говорить правду, когда ты знаешь, что в лучшем случае, не дослушав, отвернутся от тебя, и в худшем, как беспокойного или даже революционера, выгонят тебя? И все же находились люди, которые, рискуя и тем, и другим, продолжали попытки раскрыть Государю глаза. К числу таких лиц принадлежал временный заместитель генерала Алексеева генерал В.И. Гурко. Хотя в Ставке он был калифом на час, но держал он себя чрезвычайно смело, совершенно независимо. Даже когда он говорил с великим князем, чувствовалось, что говорит начальник штаба, первое лицо Ставки после Государя. И перед Государем он держал себя с редким достоинством. Вот он-то, как передавали мне тогда близкие к нему люди, а после и он сам, не раз настойчиво говорил с Государем и о Распутине, и о все разрастающейся, грозящей катастрофой, внутренней неурядице. Но выступления Гурко, как и выступления всех лиц этого лагеря, были бесплодны. Государь всецело подчинился влиянию Царского Села и упрямо шел по внушенному ему оттуда пути»^[93].

К изменению политической обстановки в стране чутко присматривались различные партии, в том числе социал-демократы и большевики, дожидаясь своего часа. Так, например, А.Г. Шляпников еще в декабре 1916 г. в письме в Швейцарию в ЦК большевиков сообщал В.И. Ленину и Г.Е. Зиновьеву о проводимой революционной подрывной работе, положении дел в стране и на фронте. Воспроизведем некоторые фрагменты из этого письма:

«Отношение русского правительства и Думы к германскому предложению о мире возмутило широкие круги обывателей и интеллигенции. Даже патристический элемент недоволен решением Думы, ее «принципиальным» нежеланием вступать на почву обсуждения мирных предложений. Наши организации используют этот факт как яркую иллюстрацию захватных идеалов русской буржуазии и правительства. “Мирным” планам господствующих классов воюющих стран мы противопоставляем необходимость прекращения бойни помимо правительств, через головы их. На днях выйдет по этому случаю одна прокламация Петербургского Комитета.

Бюро предполагает также выпустить листовку, и, может быть, удастся поставить периодический центральный орган... Работы в этом направлении ведутся. ...

Настроение солдат весьма напряженное. Ходят слухи о бунтах в армии. Сообщают, что идут беспорядки в Двинске, но на какой почве – неизвестно. Передают, что царь “уволит” командующего генерала Алексеева за его “оппозиционность” и назначил на его место генерала Гурко, 2 декабря Гурко заменен другим. К 6 декабря Дворянский съезд, думцы и Гос. Совет готовились к приему у царя. Наши царские холопы приготовили уже речи, но “неожиданно” были поражены: царь уехал на фронт, отказываясь их принимать. Своим обращением к Питириму и пожалованием ордена генералу “Куваке” (имеется в виду дворцовый комендант Воейков. – В.Х.) он ясно показал свое неудовольствие буржуазией... Вообще “общество” полно всяких слухов и толков. Сообщают, что будто еще летом было совещание некоторых военных кругов действующей армии из командиров корпусов, дивизий и некоторых полков, на котором обсуждался вопрос о низложении царя Николая II. Вообще даже убежденные монархисты и те очень смущены всем, что творит царское самодержавие. ...

В конце прошлой недели были провалы. Арестовали типографию ПК; провалилось 6000 брошюр “Кому нужна война” и 3000 экземпляров четвертого номера “Пролетарского

голоса”. В типографии и на складе арестовано 24 человека. Были еще аресты среди печатников. В общем, большие провалы, размеры которых пока не выяснены»^[94].

Следует отметить, что в конце 1916 г. в столице ходили многочисленные слухи о немецких шпионах и проведении «некоторыми кругами» якобы подготовки заключения Россией с Германией сепаратного мира. Чтобы пресечь подобные разговоры, император Николай II дал распоряжение генералу Гурко о подготовке проекта специального приказа обращения к армии от Верховного главнокомандующего. В этом царском рескрипте от 12/25 декабря 1916 г., обращенном к армии, а также к российскому народу и союзникам по Атланте, отражались патриотические настроения доведения мировой войны до победного конца: «Время для заключения мира еще не пришло... Россия еще не выполнила задачи, поставленные перед ней войной... Обладание Константинополем и проливами... восстановление свободной Польши... Мы остаемся твердыми в нашей уверенности в победе. Бог пошлет свое благословение нашему оружию. Он покроет его неувядаемой славой и даст нам мир, достойный наших славных дел. Мои дорогие воины, это будет мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную память!»^[95]

Генерал А.С. Лукомский позднее отмечал значение обнародования этого документа: «Этот приказ и по слогу и по характеру изложения совершенно не подходит к обыкновенным Высочайшим приказам, но составитель его, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Гурко, руководствуясь общими указаниями Государя, хотел ясно и полно указать причины, по которым, в этот период, нельзя было и думать о каком-либо мире с Германией.

Надо было учесть, что в некоторых частях уже чувствовалось утомление войной, и в тылу все более и более развивалась пропаганда за прекращение борьбы.

Обращает на себя внимание в приказе указание о создании после войны свободной Польши.

Это заявление, от царского имени, было сделано впервые.

Об этом, по-видимому, многие забыли, так как в прессе неоднократно делались указания, что о создании свободной Польши было заявлено впервые Временным правительством после мартовской революции»^[96].

Стоит также отметить комментирование этих событий историком С.П. Мельгуновым:

«Когда в конце 1916 г. германское правительство обратилось к державам Антанты с приглашением начать мирные переговоры и когда, по словам жены Родзянко, в Петербурге очень опасались заключения мира, император Николай, по инициативе Гурко, ответил приказом, что время для достижения мира еще не наступило, так как “достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей, еще не обеспечены”. А в это самое время трудовая группа Государственной Думы считала невозможным отказаться обсуждать германское мирное предложение.

История должна разойтись с показаниями современников. Их сознание так было проникнуто уверенностью, что страх перед народом слепит глаза правительства, что председатель Следственной комиссии Временного правительства, Муравьев, не задумываясь, серьезно ставил вопрос Воейкову: был ли разговор о том, чтобы открыть 1 марта фронт немцам. Такое сообщение поместила благородная “Русская Воля”. Великую несправедливость поместил и Плеханов, сказавший впоследствии на Всероссийском совещании Советов, что “царь не хотел защищать Россию”, что “царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей”»^[97].

Однако вернемся к последовательности событий. Опубликование еще одного императорского рескрипта в январе 1917 г. на имя вновь назначенного председателя Совета министров князя Голицына предписывало правительству посвятить особое внимание про-

довольственному вопросу и транспорту, и работать в согласии с Думой и земствами, что возбудило надежды демократической общественности, которым, однако, не суждено было осуществиться.

В России в начале 1917 г. все ожидали решительных перемен, и политическая оппозиция начала «сжигать мосты». Особой активностью отличались думские лидеры «Прогрессивного блока», т. к. срок полномочий IV Государственной Думы скоро истекал, предстоящие выборы не могли гарантировать их прежнего положения, а также личную неприкосновенность. Представителям оппозиции необходимо было набирать политические очки или попытаться решительно переломить ситуацию в свою пользу. Так, например, в воспоминаниях председателя Государственной Думы М.В. Родзянко имеется описание одного из конспиративных совещаний, которое происходило на его квартире: «С начала января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Государственного Совета и членов Особого Совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили, – не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу и временные успехи сводят к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами:

– Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя.

Крымов замолк, и несколько минут все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

– Генерал прав – переворот необходим... Но кто на него решится?

Шидловский с озлоблением сказал:

– Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским: поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова:

“Если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией”.

Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

– Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения – пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, но не насилием...

Много и долго еще говорили у меня в этот вечер. Чувствовалась приближающаяся гроза, и жутко было за будущее: казалось, какой-то страшный рок влечет страну в неминуемую пропасть»^[98].

Со своей стороны заметим, что трудно поверить в искренность уверений тонкого политика и искусственного царедворца Родзянко. Вскоре события показали, и стало достаточно ясно, у кого и как «слово» расходится с «делом».

Относительно боевого генерала А.М. Крымова (1871–1917) следует заметить, что в его политической позиции не все было однозначно. Во многих взглядах он был введен в заблуждение, что несколько для него прояснилось, когда он побывал в Петрограде. Возможно, этим можно объяснить то, что Крымов практически никак не проявил себя в дни Февральской революции, а затем принял активное участие в «корниловском мятеже» против Временного

правительства. Стоит в этой связи упомянуть еще об одной встрече генерала Крымова с генералом Дубенским в начале 1917 г.:

«В пояснение сего расскажу случайную встречу мою (в начале февраля) с генералом Александром Михайловичем Крымовым. О нем говорили как о выдающемся боевом начальнике, и имя его пользовалось большим уважением в Ставке. Я помню, как при каком-то сообщении о боях в Карпатах, где была дивизия Крымова, Государь сказал: “Там этот молодец Крымов, он управится скоро...”

Вот этого-то генерала Крымова, недавно прибывшего в Петроград, я встретил у начальника Главного штаба генерала Архангельского. Мы все трое были сослуживцы по Мобилизационному отделу Генерального штаба еще до войны и потому говорили откровенно и свободно. Генерал Крымов, большой, полный, в кавказской черной черкеске, с Георгием на груди, ходил по известному круглому кабинету начальника Главного штаба и указывал на целый ряд ошибок во внутренней политике, которые, по его мнению, совершил Государь. Он возмущался, негодовал, и когда мы спрашивали его, откуда почерпнуты им сведения о каких-то тайных сношениях Двора с Германией, он отвечал:

– Да так говорят...

Мы стали разъяснять Крымову и указывать, что многое в его словах преувеличено, извращено и передано в искаженном виде. Наш приятель стал задумываться, меньше возражал и в конце концов сказал: “Где все это знать у нас в Карпатах...”

Генерал Крымов был человек горячий, неглупый, безусловно порядочный, но увлекающийся.

– А в Ставке часто бывал Распутин? – спросил он меня.

– Да он никогда там не бывал. Все это ложь и клевета.

– А мы на фронте слышали, что он был там вместе с царицей. Как это досадно, что подобные сплетни достигают позиций и тревожат войска, – сказал уже смущенно Крымов.

Крымов передал нам, что у них ходит слух о сепаратном мире и о том, что есть сношения между Царским [Селом] и Вильгельмом. Говорил он уже как о явных баснях, но вносящих сомнения, смуту.

Грустно было слушать подобные толки и сознавать силу подобной интриги, начавшей доходить из столиц до армии и подтачивающей доверие к ее Верховному Вождю»^[99].

Насколько глубоко мысль о предательстве запала в среду военных, говорят строки из дневника генерала В.И. Селивачева:

«Вчера одна сестра милосердия сообщила, что есть слух, будто из Царскосельского дворца от Государыни шел кабель для разговора с Берлином, по которому Вильгельм узнавал все наши тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда – ведь какими жертвами платит народ за подобное предательство!»

Популярный в России генерал А.А. Брусилов позднее признавался: «Доходили до меня сведения, что задумывается дворцовый переворот, что предполагают провозгласить наследника Алексея Николаевича императором при регентстве великого князя Михаила Александровича, а по другой версии – Николая Николаевича, но все это были темные слухи, не имевшие ничего достоверного. Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну; зная свойства характера Алексеева, я был убежден, что он это не выполнит»^[100].

Словам демократически настроенного генерала А.А. Брусилова как бы вторил монархист царедворец П.Г. Курлов: «Потерявшее голову великосветское общество, в особенности после убийства Распутина и связанных с ним последующих высылков великих князей Дмитрия Павловича и Николая Михайловича, громко говорило о необходимости дворцового переворота. Эта мысль встречала сочувствие среди некоторых членов царствовавшего дома, причем указывалось на великого князя Михаила Александровича, как на будущего импера-

тора, хотя он, искренно любивший своего брата и его семью, стоял вне каких-либо политических групп. Все это завершилось чисто революционными выступлениями в Государственной Думе, направляемыми членами Прогрессивного блока»^[101].

Однако не все было однозначно в лагере страждущих демократических перемен. Если верить утверждениям члена Государственного Совета Владимира Гурко, то князь Г.Е. Львов и М.В. Челноков присутствовали на заседании «Прогрессивного блока» в Петрограде в январе 1917 г. и выразили мнение, что «Россия не может победить при существующем режиме и что ее единственное спасение в революции. Это мнение не встретило сочувствия: петроградские члены Прогрессивного блока открыто заявили, что пойти на революцию во время войны – значит стать изменником родины»^[102].

Этот спектр точек зрения на ситуацию нам можно дополнить выяснением позиций демократов и социалистов, о чем позднее писал комиссар Временного правительства Б.В. Станкевич: «Какого-нибудь участия в заговорщических кружках того времени я не принимал. Лишь в конце января месяца (1917 года. – *В.Х.*) мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного наступления все относились определенно отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левые русла и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды. Но это не поколебало общей решимости покончить с безобразиями придворных кругов и низвергнуть Николая. В качестве кандидатов на престол назывались различные имена, но наибольшее единодушие вызывало имя Михаила Александровича, как единственного кандидата, обеспечивающего конституционность правления»^[103].

В то же самое время лидер «Прогрессивного блока» и партии кадетов П.Н. Милюков вместе со своими сторонниками, строили далеко идущие политические планы: «Во всяком случае, мысль о дворцовом перевороте выдвигалась теперь на первый план; с нею приходилось считаться в первую очередь. И в среде членов блока вопрос был поставлен на обсуждение. Всем было ясно, что устраивать этот переворот – не дело Государственной Думы. Но было крайне важно определить роль Государственной Думы, если переворот будет устроен. Блок исходил из предположения, что при перевороте так или иначе Николай II будет устранен от престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия – великому князю Михаилу Александровичу. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю. Разговоры на эти темы, конечно, происходили в эти дни и помимо блока. Не помню, к сожалению, в какой именно день мы были через М.М. Федорова приглашены принять участие в совещании, устроенном в помещении Военно-промышленного комитета. Помню только, что мы пришли туда уже с готовым решением, и, после обмена мнений, наше предложение было принято. Гучков присутствовал при обсуждении, но тайно молчал, и это молчание принималось за доказательство его участия в предстоящем перевороте. Говорилось в частном порядке, что судьба императора и императрицы остается при этом нерешенной – вплоть до вмешательства «лейб-кампанцев», как это было в XVIII веке; что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице, и т. д. Мы ушли, во всяком случае, без полной уверенности, что переворот состоится, но с твердым решением, в случае если он состоится, взять на себя устройство перехода власти к наследнику и к регенту. Будет ли это достигнуто решением всей Думы или от ее имени или как-нибудь иначе, оставалось, конечно, открытым вопросом, так как самое существование Думы и наличность ее сессии в момент переворота не могли быть заранее известны. Мы,

как бы то ни было, были уверены после совещания в помещении Военно-промышленного комитета, что наше решение встретит поддержку общественных внедумских кругов»^[104].

Следует отметить, что тревожная атмосфера ожидания господствовала во многих слоях населения столицы. Все это давало питательную почву для распространения разного рода провокационных слухов. Так, например, в дневнике профессора М.П. Чубинского в середине января 1917 г. встречаются подобного рода записи:

«По городу ходят вздорные слухи: одни говорят о покушении на Государя, другие о ранении Государыни Александры Федоровны. Утверждают (и это очень характерно), будто вся почти дворцовая прислуга ненавидит Государя...

Как это ни невероятно, но сегодня из очень осведомленного источника я услышал, что на Государыню Александру Федоровну действительно было покушение; в нее якобы стрелял офицер гвардейского стрелкового батальона, который был задержан и убит на месте»^[105].

События продолжали идти своим чередом, и каждая реальная политическая сила принимала все меры, чтобы склонить создавшуюся взрывоопасную ситуацию в свою пользу. Страна все больше и больше втягивалась в критическую обстановку, выход из которой был только в решительных действиях, для чего необходимо было использовать любую возможность.

В Петрограде 16 января 1917 г. открылась Союзная военная конференция, деятельное участие в подготовке и проведении которой принимал генерал В.И. Гурко. Конференция стала также полем соперничества противоборствующих сил в России, каждая из которых стремилась доказать союзникам по Антанте свою дееспособность.

Союзники ждали от России новых усилий и жертв на фронтах мировой войны во имя общей победы. Так, например, французский посол Морис Палеолог относительно планов этой конференции еще 14/27 декабря 1916 г. записал в своем дневнике следующее: «В то время как Франция из всех сил налегает на хомут союза, Россия делает лишь половину или треть усилий, на которые она способна. Это положение тем серьезнее, что заключительная фаза войны, может быть, началась, и в таком случае важно знать, будет ли у России время наверстать все, что она потеряла, раньше, чем решится участь Востока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Звено (Париж). 1927. № 6. С. 374.

2.

Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 2005. С.64.

3.

Гурко В.И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 120.

4.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

5.

Дневник императора Николая II (1890–1906). Берлин, 1923; Из писем царской семьи // Русская Летопись. Париж, 1921. Кн. 1; Письма Высочайших Особ к А.А. Танеевой (Вырубовой) // Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 4; Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 1–2. Берлин, 1922; Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. Т. 3–5. М. – Л., 1923–1927; Танеева (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни// Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4; Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925 и др.

6.

Лурье Л. Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 154.

7.

Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов / Составитель О.А. Шашкова. М., 1996. С. 245.

8.

Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. / Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924. С. 58.

9.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2002. С. 86.

10.

Там же. С. 106–107.

11.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 223–224.

12.

Падение царского режима. Т. 6. М. – Л., 1926. С. 291–292.

13.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. С. 35.

14.

Лукомский А.С. Воспоминания генерала. Т. 1. Берлин, 1922. С. 29.

15.

Кирилин Ф. Основатель и Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919. С. 9.

16.

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 7.

17.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 176–177.

18.

Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 411.

19.

Там же. С. 445.

20.

Там же. С. 447.

21.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 426.

22.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 10.

23.

Там же. С. 11.

24.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков – М., 1997. С. 29.

25.

См.: Кобылин В.С. Анатомия измены. СПб., 1998. С. 74–75; Свитков В. Военная Ложа // «Владимирский Вестник». № 85. С. 10.

26.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 235.

27.

Свитков В. Военная Ложа // «Владимирский Вестник». № 85. С. 12.

28.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 50.

29.

Там же. С. 51–52.

30.

Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гуверского института войны, революции и мира). Комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 143, 145.

31.

Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 143.

32.

Там же. С. 151.

33.

ГА РФ. Ф. 6559. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

34.

Там же. Л. 10–12.

35.

Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 65.

36.

Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 312.

37.

Там же. С. 501.

38.

Там же. С. 615.

39.

Там же. С. 764.

40.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. Т. 4. М. – Л., 1926. С. 119–120.

41.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 189.

42.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 169.

43.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. Т. IV. М. – Л., 1926. С. 416.

44.

Там же. С. 425.

45.

Там же. С. 427.

46.

Там же. С. 428.

47.

Там же. С. 431.

48.

Там же. С. 429.

49.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т.1. М., 1996. С. 328–330.

50.

Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. Берлин, 1922. С. 184.

51.

Там же. С. 189.

52.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мн., 2004. С. 386–387.

53.

Дневники и документы из личного архива Николая II. Мн., 2003. С. 353–354.

54.

Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 545.

55.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 105–106.

56.

Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 648–650.

57.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 250.

58.

Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 1999. С. 259–260.

59.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 110–111.

60.

Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. 5. М. – Л., 1927. С. 138–139.

61.

Там же. С. 140.

62.

Бубнов АД. В царской Ставке. М., 2002. С. 148–149.

63.

Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 155.

64.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 195.

65.

Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 611.

66.

Там же. С. 611.

67.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 240–241.

68.

Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 12–13.

69.

Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 15–17.

70.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мн., 2004. С. 396–397.

71.

Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 188.

72.

РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 46. Л. 158.

73.

Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 58.

74.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 147–148.

75.

Лукомский А.С. Воспоминания генерала. Т. 1. Берлин, 1922. С. 110–111.

76.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 2000. С. 214–215.

77.

Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 615.

78.

Там же. С. 616.

79.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 250–251.

80.

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 516. Л. 1–89.

81.

Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 156.

82.

Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 158.

83.

Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. Берлин, 1922. С. 262.

84.

Цит. по кн. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 582.

85.

Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 155.

86.

Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 174.

87.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 203–205.

88.

Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 174–175.

89.

Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 19.

90.

Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь 1916 – февраль 1917 гг.). СПб., 2001. С. 34, 43, 50, 55, 67, 69, 71.

91.

Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 623.

92.

ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 4 об.; Последние Новости (Париж). 1936. 10 мая. № 5527.

93.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М. 1996. С. 247–248.

94.

Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. С. 308.

95.

См.: Мэсси Р. Николай и Александра: Биография. М., 2003. С. 457–458. Лукомский А.С. Воспоминания генерала. Т. 1. Берлин, 1922. С. 114–116.

96.

Лукомский А.С. Воспоминания генерала. Т. 1. Берлин, 1922. С. 16–117.

97.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2007. С. 109–110.

98.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 199–201.

99.

Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 16–17.

100.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 205.

101.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 237.

102.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 30.

103.

Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1919. М., 1994. С. 31.

104.

Миллюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 244.

105.

Чубинский М.П. Год революции (1917) / Сб. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 233, 234.